

DOI: 10.31857/S032103910007706-9

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И НАЗНАЧЕНИЕ УКРЕПЛЕНИЯ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА

А. А. Зедгенидзе

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: azedgenidze@hse.ru

Статья посвящена исследованию ἡ παλαιὰ Χερρόνησος Страбона, а именно пространственной организации укрепления на перешейке Маячного полуострова и его назначению. Рассмотрена фортификация укрепления, установлена дата ее создания (конец V — начало IV в. до н.э.), представлен план укрепления с исследованием его зон: акрополя, центрального и портового районов. Автор делает вывод о размещении гарнизона (φρουρά) на акрополе укрепления и определяет его назначение как φρούριον. Возведением этого укрепления устанавливалась северо-западная граница Херсонеса на Гераклеяском полуострове и утверждалось владение полуостровом, в результате чего началось освоение хоры.

Ключевые слова: классическая археология, Херсонес Таврический, полис, хора, акрополь, Страбон

CHERSONESUS TAURICA: SPATIAL ORGANISATION OF THE STRONGHOLD ON THE ISTHMUS OF THE MAYACHNY PENINSULA

Angelina A. Zedgenidze

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: azedgenidze@hse.ru

Данные об авторе. Ангелина Андреевна Зедгенидзе — кандидат исторических наук, приглашенный преподаватель департамента иностранных языков НИУ ВШЭ.

Автор выражает благодарность коллегам из Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» Н.Л. Демиденко, Т.В. Диановой, Л.К. Знаменской, К.В. Зыковой, Т.А. Прохоровой, Л.В. Седиковой и Е.Я. Туровскому за предоставление материалов, необходимых для написания статьи.

This article deals with the spatial organisation and purpose of the Stronghold (τείχη) on the isthmus of the Mayachny Peninsula, Strabo's παλαιὰ Χερρόνησος. The article describes the fortification of the Stronghold, establishes the date of its construction in the late fifth or early fourth century BC, presents a plan of the Stronghold and studies its zones (akropolis, central and harbour parts). The main result of the study is the conclusion that the garrison (φρουρά) was placed on the akropolis of the Stronghold, which is therefore defined as φρούριον; this solves the problem of the purpose of the Stronghold. The construction of the Stronghold set the north-western border of Chersonesus on the Heracleian Peninsula and established control of the peninsula, the result of which was the beginning of the exploitation of the *chora*.

Keywords: classical archaeology, Chersonesus Taurica, polis, chora, akropolis, Strabo

В «Географии» Страбона (VII. 4. 2) содержится сообщение о «древнем Херсонесе» (ἡ παλαιὰ Χερρόνησος), подтвержденное археологически, но вызвавшее ряд вопросов, которые в совокупности составили проблему «древнего Херсонеса» Страбона. В настоящее время может считаться решенным лишь вопрос о локализации «древнего Херсонеса» — это перешеек Маячного п-ова (северо-западная оконечность Гераклеяского полуострова), а именно сооружения на нем. Назначение этих сооружений и их место в структуре хоры — один из самых трудных вопросов в изучении античного Херсонеса. Интерпретации сооружений на перешейке Маячного п-ова можно сгруппировать следующим образом: 1) город; 2) укрепленный урбанистический поселок; 3) первое периферийное τὸ τεῖχος — форпост Херсонеса; 4) крепость и поселение; 5) убежище для сельского населения Гераклеяского полуострова и Маячного мыса в случае нападения; 6) «састер»; 7) укрепление для охраны питомников на полуострове; 8) укрепление для охраны маяка. При анализе этих гипотез мы пришли к выводу о том, что в качестве предварительной можно принять трактовку сооружений на перешейке в качестве военно-хозяйственного поселения, а предположения о форпосте, крепости и убежище представляют собой детализирующие модификации этого истолкования¹. В данной работе мы хотим показать, что создание укрепления на перешейке Маячного мыса было чрезвычайно важным элементом в ходе освоения греками Гераклеяского полуострова. Уяснение назначения укрепления и причин его возведения именно в данном месте позволяет выявить общую логику организации хоры и, следовательно, территориальной организации Херсонесского полиса в целом. Чтобы раскрыть общее назначение укрепления, необходима не только характеристика его места среди других элементов хоры, но и описание его собственной пространственной организации, доработка его плана, а также привлечение результатов недавних раскопок у Казачьей бухты. Без анализа археологических материалов невозможно дать историческое истолкование памятника, именно поэтому мы уделяем значительное внимание археологическим данным укрепления и рассматриваем его топографию и планировку, крепостные стены (восточную, западную и поперечную), акрополь, центральную часть, портовый район. При этом следует иметь в виду, что мы можем дать лишь базовую реконструкцию укрепления и его назначения в системе хоры Херсонеса. Детализированная реконструкция внутренней планировки укрепления нереалистична прежде всего потому, что памятник был разрушен (κατεσκαμμένην в описании Страбона) уже

¹ Zedgenidze 2015a, 51.

Рис. 1. Маячный полуостров. Укрепление на перешейке полуострова. Пунктиром показаны трассы крепостных стен: 1 — западная стена; 2 — восточная стена; 3 — местоположение раскопок 1985–1990 гг. *Аэрофотография, 2000 г.*

в античности. В XX в. территория укрепления пострадала из-за сооружения 35-й береговой батареи и в ходе боев Великой Отечественной войны. Вопрос же о причинах и обстоятельствах разрушения памятника в античности едва ли может быть решен с определенностью² из-за отсутствия прямых свидетельств письменных источников.

1. ТОПОГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА УКРЕПЛЕНИЯ

Маячный мыс отделен от остальной части Гераклеийского полуострова бухтой, окружен с юга и запада открытым морем и ограничен перешейком шириной около 760 м, возвышающимся над окружающей местностью и приподнятым над уровнем моря до 36 м³. Расположение перешейка использовано в древности для возведения укрепления, которое было образовано двумя линиями крепостных стен: восточной, обращенной башнями в сторону Гераклеийского полуострова, и западной, обращенной в сторону Маячного мыса. Крепостные стены, частично раскопанные, в настоящее время представляют собой валы, в некоторых местах едва различимые, но с одного из них, восточного, просматривается весь Гераклеийский полуостров, с другого, западного, — Маячный мыс, площадью около 430 га (рис. 1). Херсонес отстоял от укрепления на 8,5 км по прямой к северо-востоку.

² Ср. Shcheglov 1994, 37, 38.

³ Подробно о Гераклеийском полуострове и Маячном полуострове см. Zedgenidze 2015a, 41.

В результате наших раскопок на Маячном полуострове и изучения ранее выполненных карт, планов и отчетов о раскопках был составлен общий план укрепления на перешейке Маячного полуострова. Прежде чем перейти к его описанию, рассмотрим те существующие планы, которые были особенно важны для нашей работы. Последним по времени публикации и наиболее существенным для нас является план, выполненный А.Н. Щегловым (рис. 2). В настоящее время некоторые исследователи принимают план Щеглова без возражений⁴, однако мы считаем, что он требует определенной корректировки.

Щеглов пользовался следующими материалами: кроки Н.М. Печенкина 1910 и 1911 г.; его же изданный и архивный планы; полуинструментальная съемка С.С. Некрасова; план, выполненный Раевским в 1911 г.; аэрофотосъемка 1961 г.⁵ На плане Щеглова показано возведенное на перешейке укрепление, образованное двумя параллельными линиями оборонительных стен с башнями

и разделенное поперечными стенами на четыре участка, отмечены раскопанные строительные комплексы с точной и примерной локализацией. Первоначально, характеризуя укрепление на перешейке в качестве города, Щеглов писал о трех его частях, не фиксируя поперечных стен между ними⁶. Это деление было естественным: в западной, возвышенной, части укрепления он фиксировал акрополь, в средней — жилую застройку, в восточной, у бухты, — портовую часть. Однако позже Щеглов пришел к заключению, что укрепление было разделено не на три, а на четыре участка. Это было связано с его новым взглядом на функциональное назначение второго и третьего участков как на стандартные земледельческие участки, аналогичные по величине (4,5 га) и по наличию на каждом из них одной усадьбы тем участкам, на которые была разделена территория Маячного полуострова. По мнению Щеглова, поперечные стены второго и третьего участков являются продолжением межевых стен

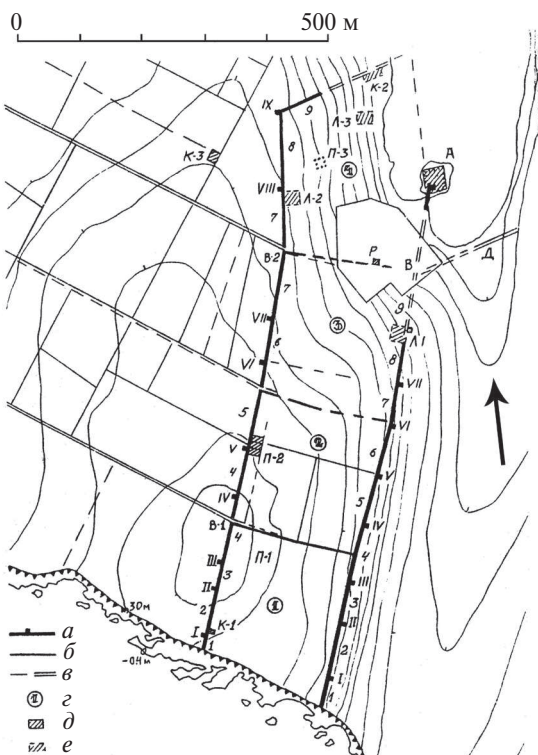

Рис. 2. Укрепление на перешейке Маячного п-ва: а — крепостные стены; б — монументальные поперечные стены; в — межевые стены, дороги; з — номера участков; д, е — раскопанные строительные комплексы с точной (д) и примерной (е) локализацией; ж — следы древней постройки (по: Shcheglov 1994, 299, рис. 5)

⁴ Nessel' *et al.* 2008, рис. 1; Zubar' 2007, рис. 113; Dem'yanchuk, Nessel' 2011, рис. 1, 2; Nessel', Dem'yanchuk 2015, 56; Nikolaenko 2018, 24.

⁵ См. Shcheglov 1994, 17.

⁶ Shcheglov 1976, 42.

Рис. 3. Маячный полуостров. Фрагменты планов: 1 – «План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красною краской означенных, сочинен 1786 года ноября дня». *НАО ГМЗ ХТ. Ф. 2. Инв. № 182/1955*; 2 – «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краской означенных. Сочинен 1786 года» с подписью: «Чертил топограф 2 класса Пепелев» (по: Tunkina 2002, рис. 126); 3 – «План развалинам древнего Херсона. Сочинен 1786», по: *Труды и летописи ОИДР. 1828. IV/1. Приложение*); 4 – «Гераклейский полуостров. По Кларку и Дюбуа» (по: Neumann 1855); 5 – план размежевания Маячного полуострова, 1910 г. (по: Pechenkin 1911, табл. III).

полуострова⁷. Таким образом, появилась еще одна интерпретация центральной части укрепления — как земледельческой территории.

В этой связи следует в первую очередь обратиться к картам 1786 г., выполненным в период наилучшей сохранности памятников Гераклеийского полуострова, а также к планам и аэрофотосъемке полуострова. Прежде всего необходимо упомянуть карту, хранящуюся в Научно-архивном отделе государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (рис. 3. 1). Она подписана: «Снимал план сочинял землемер подпорутчик Ананий Струлов». Другая карта, выполненная Пепелевым, с заверительной подписью К.И. Габлица опубликована И.В. Тункиной⁸ (рис. 3.2). Первая публикация одной из карт 1786 г., на которой отсутствует имя исполнителя, принадлежит митрополиту Евгению (Е.А. Болховитинову; см. рис. 3.3)⁹. На этих картах отражена межевая система Гераклеийского полуострова: он показан разделенным на площади сеткой пересекающихся линий, но, что особенно важно в контексте нашего исследования, ни на одной из карт они не простираются на перешеек Маячного полуострова. На плане “Die Herakleotische Halbinsel. Nach Clarke und Dubois”¹⁰, как и на картах 1786 г., межевые стены полуострова подходят к перешейку, не заходя на его территорию (рис. 3.4). План размежевания Маячного полуострова был издан Н.М. Печенкиным (рис. 3.5). На нем показано, что перешеек перекрыт крепостными стенами (западной и восточной), и зафиксированы башни. Внутри оборонительных стен проведены пунктирные линии, одна из них продолжает магистральную дорогу полуострова, вторая, не совпадая ней, соединяет башни крепостных стен. На плане отчетливо видно, что наделы на полуострове доходят до западной стены и здесь обрываются. Особого внимания требует утверждение Печенкина о том, что «дороги, улицы и стены упираются в “боевые” стены»¹¹, из чего следует, что они не продолжались на перешейке. Ранее К.К. Косцюшко-Валюжинич указывал: «От второго вала (т.е. от западной стены. — А.З.) тянется на запад, по направлению к маяку, ровная местность, покрытая остатками осыпавшихся каменных оград, которые разделяли ее на множество, правильной формы, площадок»¹². Из приведенного описания следует, что этих «оград и площадок» Косцюшко-Валюжинич не видел на перешейке. Уникальная сохранность межевых стен Маячного полуострова зафиксирована на аэрофотографии 1943 г., где видно, что межевые стены не заходят на перешеек полуострова (рис. 4). Учитывая все эти свидетельства, мы не можем согласиться с утверждением Щеглова, что центральная часть укрепления представляла собой размежеванную земледельческую территорию.

⁷ Shcheglov 1994, 17–22.

⁸ Tunkina 2002, 485, рис. 126; 2018, 59.

⁹ Евгений (Болховитинов), митрополит. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму. *Отечественные записки*. 1822. 9/22. С. 145–157; Он же. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму. *Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете*. 1828. IV/1. С. 102–115; см. также Zedgenidze 2015b, 63.

¹⁰ Neumann 1855, план между с. 386 и 387.

¹¹ *Дневник раскопок Н.М. Печенкина в местности «Старого Херсонеса» в 1910 г.* (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 184. Л. 21).

¹² Kosciuszko-Waluzynicz 1891, 58.

Рис. 4. Южная часть Маячного полуострова.
Аэрофотография, 1943 г.

Перейдем к данным раскопок. В 1911 г. Печенкин раскопал строительный комплекс у башни V западной крепостной стены, так называемый дом 5 (рис. 5, П-2)¹³. А.Н. Щеглов пишет, что у дома 5 «остальное пространство участка (второго по Щеглову. — А. З.) занимали обычный для Гераклейского и Маячного п-вов плантаж и ограды внутреннего межевания», второй и третий участки укрепления трактуются в качестве «земледельческой территории, имевшей по одному строительному комплексу — “усадьбе”»¹⁴. Однако в результате археологических исследований 1985–1990 гг. на втором (по Щеглову) участке нами были открыты два строительных блока, примыкавших к западной крепостной стене, каждый из которых включал в себя усадьбу и свободное пространство¹⁵ (рис. 6).

Строительство комплекса относится к концу V – началу IV в. до н.э., разрушение — к концу IV в. Раскопанные сооружения, а также открытый Печенкиным «дом 5», позволяют фиксировать на втором участке три соседствующих строительных комплекса, расположенных вдоль крепостной стены. Все это противоречит утверждению Щеглова, что участок представлял собой земледельческую территорию с одной усадьбой, плантажом и оградами внутреннего межевания.

В.М. Иванов обратил внимание на то, что, по Щеглову, стандартные прямоугольные участки находятся внутри укрепления, в то время как треугольная по форме площадь пришлась на наружные участки на полуострове. Не соглашаясь с определением назначения второго и третьего участков Щегловым в качестве земледельческих, Иванов пишет, что согласно этой интерпретации греки, отводя половину обороняемой территории под виноградники, поступали бы вопреки требованиям античной военной инженерии¹⁶.

Мы считаем, что приведенные материалы позволяют в настоящее время определенно говорить об отделении поперечной стеной лишь юго-западной, возвышенной, части перешейка. Эта стена, описанная в разделе II. 3, была

¹³ Результаты исследований 1911 г. Печенкиным опубликованы не были.

¹⁴ Shcheglov 1994, 19, 22.

¹⁵ Zedgenidze 2016, 606.

¹⁶ В.М. Иванов также не соглашается с указанием на рассматриваемом плане количества ворот в западной оборонительной стене (Ivanov 2005, 110).

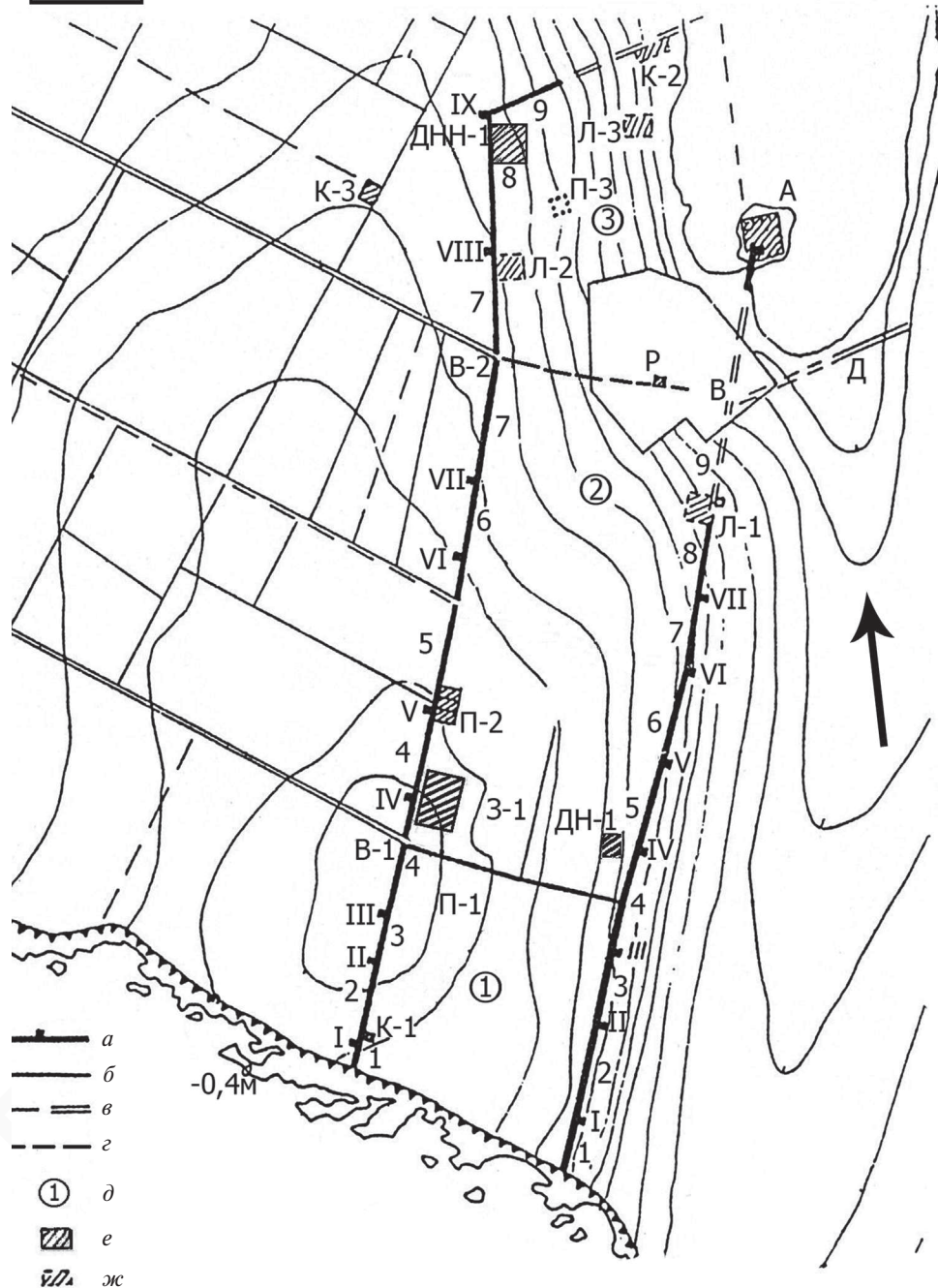

Рис. 5. План укрепления на перешейке Маячного полуострова: а — крепостные стены (восточная и западная); б — поперечная стена; в — межевые стены; г — дороги; д — номера районов: ① — акрополь; ② — центральная часть, ③ — портовый район; е, ж — раскопанные строительные комплексы с точной (е) и примерной (ж) локализацией. Буквенные обозначения к внемасштабным знакам указывают на раскопки: Д Н — Демьянчук, Нессель; Д Н Н — Демьянчук, Нессель, Николаенко; З — Зедгенлизе; К — Косцюшко-Валюжинич; Л — Лепер; П — Печенкин

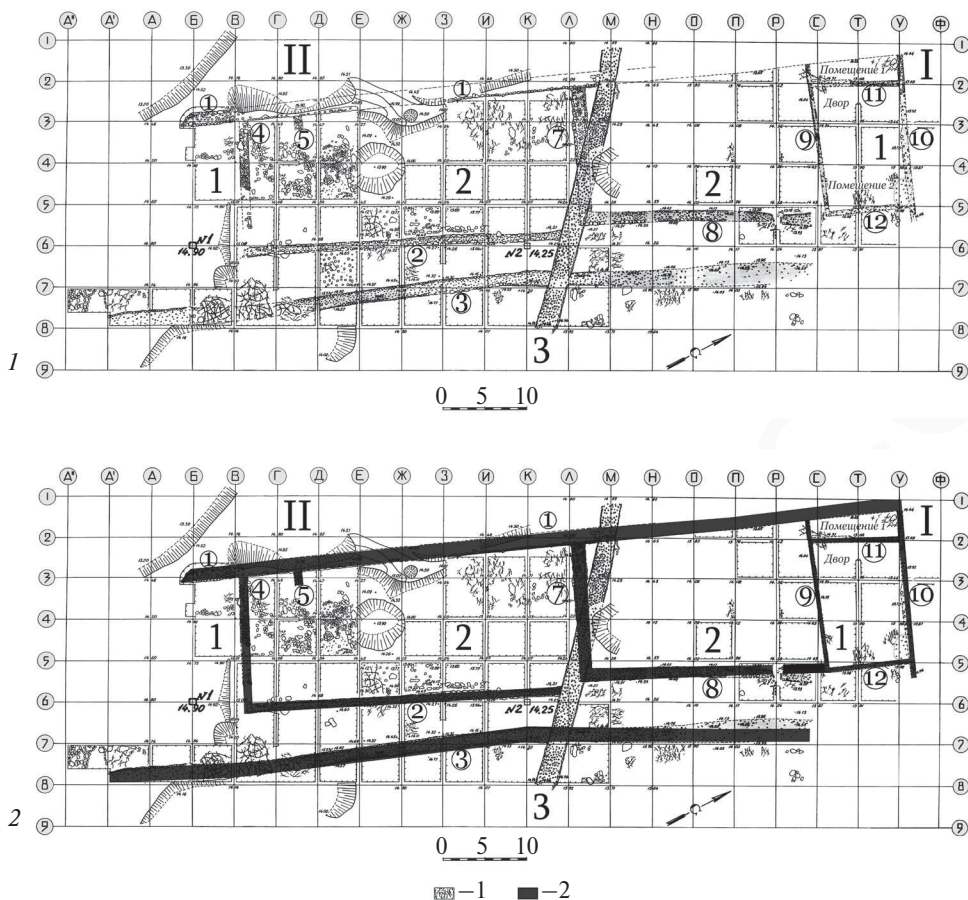

Рис. 6. «Древний Херсонес» Страбона. 1 – раскопки 1985–1990 гг. Генеральный план; 2 – планировочная реконструкция строительного комплекса конца V–IV вв. до н.э.: I – Северный блок; II – Южный блок; 1 – Усадьбы; 2 – свободные пространства; 3 – дорога XIX в.; ①–⑫ – номера стен. Условные обозначения: 1 – материк; 2 – стены строительного комплекса

включена строителями в фортификационную систему укрепления. Поперечная стена отделяла акрополь и, как мы покажем далее, располагавшийся там гарнизон от простирающегося ниже пространства с жилыми постройками и комплексами другого назначения. Наличие бухты среди других факторов не могло не способствовать выбору именно данного места для возведения укрепления.

В основу нашего «Плана укрепления на перешейке Маячного полуострова» (см. рис. 5) положен план Щеглова, скорректированный в свете последних исследований. На плане показано укрепление, образованное двумя параллельными линиями крепостных стен с башнями и занимавшее пространство между наиболее высокой частью перешейка – обрывистым берегом моря на ЮЗ (25–30 м над уровнем моря) – и вершиной Казачьей бухты на СВ. Расстояние между крепостными стенами около 210 м, минимальная длина укрепления от открытого моря на юге до верховья бухты – около 740 м, максимальная длина по оси – 900 м; площадь укрепления около 17,5 га, площадь, отделенная поперечной стеной, т.е. акрополь, 4,5 га.

Честь открытия крепостных стен «древнего Херсонеса» принадлежит академику П.С. Палласу. Общая характеристика крепостных сооружений укрепления приведена в работах Н.М. Печенкина, К.К. Косцюшко-Валюжинича, А.Л. Бертье-Делагарда, позже — В.М. Иванова. Описания крепостных сооружений укрепления с историей их исследования представлены в работах С.Ф. Стржелецкого и А.Н. Щеглова. Крепостные стены «древнего Херсонеса» являются темой специального исследования С.Г. Демьянчука и В.А. Нессель, данные которого использованы в этой статье.

II. 1. Восточная крепостная стена

Эта стена, имевшая протяженность 550 м, начиналась у верховья Казачьей бухты, шла по вершине западного склона Казачьей балки на 20 м выше ее тальвега и заканчивалась у моря на обрыве, высота которого составляла свыше 30 м. Косцюшко-Валюжиничем и Печенкиным были раскопаны небольшие участки первой и четвертой куртин южного фланга. Имеется лишь следующее сообщение Косцюшко-Валюжинича: «1-я оборонительная стена 36/7 аршина (2,75 м) ширины сложена из тесаного камня»¹⁷. Щеглов по собственным обмерам в местах обнажений стены охарактеризовал ее как трехслойную двуллицевую постелистую кладку на глине шириной 2,75–2,8 м, с наружным слоем из крупного камня. Он датировал стену концом V — первой половиной IV в. до н.э.¹⁸ Демьянчук и Нессель, открывшие на протяжении 8,7 м четвертую куртину восточной крепостной стены, датировали ее концом V — первой половиной IV в. до н.э.¹⁹ Отметим, что ширина была установлена Щегловым по немногим прослеженным обнажениям стены. По данным раскопок Демьянчука и Нессель, она составляла 1,65 м. В связи с этим разногласием должно быть учтено сообщение Стржелецкого о восточной стене: «Главная стена имела 2,70 м толщины, тыловая — вдвое тоньше — 1,44 м... Первоначально обе стены (главная и тыловая) были сооружены одинаковой толщины, а затем через какой-то промежуток времени главная стена была утолщена почти вдвое дополнительным поясом по наружной стороне»²⁰.

Щеглов предполагал, что по линии протяжения стены было не менее 10 башен, находившихся на расстоянии около 70 м друг от друга. Он восстанавливал планы башен по обмерам и описаниям Косцюшко-Валюжинича, Печенкина и Некрасова, дал описания башен, реконструкция которых была возможна, и привел сводку находок. Обобщая данные прежних исследований, отметим, что они выступали на 4,5–5,5 м за линию фасада куртин, и это обеспечивало возможность фланкирующего обстрела нападавших. Ширина башен составляла от 5 до 7 м, толщина стен до 1,6 м. Для устойчивости башни III был создан фундамент в виде забутовки из камня²¹. Ввиду того что открытые раскопками башни крепостных стен представляют собой одни из немногих исследованных объектов укрепления, большую важность представляют

¹⁷ Цит. по: Shcheglov 1994, 24.

¹⁸ Shcheglov 1994, 23–24.

¹⁹ Dem'yanchuk, Nessel' 2011, 67.

²⁰ Стржелецкий, С.Ф. «*Страбонов Херсонес*». 1953 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1325. Л. 4–5).

²¹ Shcheglov 1994, 23–25, 32–38.

Рис. 7. «Островок в Казачьей бухте. Общий вид с перемычкой». Снято с юго-востока. НАО ГМЗ ХТ. Ф. 3. Негатив 3817

зафиксированные находки: в башне I — наконечник стрелы, фрагменты керамики, «простой и под лаком»²²; в башне III — бронзовая стрела, обломки чернолаковых сосудов, ручка фасосской амфоры с клеймом [Θα]σιον (фиала, танцовщица) Κλεοφα[νης] (НАО ГМЗ ХТ. Инв. № 15007). М. Дебидур считал Клеофана гончаром первой половины IV в. до н.э.²³, а по классификации И. Гарлана клеймо относится к группе F1 и датируется 360–350 гг. до н.э.²⁴

Ввиду дискуссионной интерпретации сооружений на берегу Казачьей бухты приведем характеристику башни на островке в Казачьей бухте (см. рис. 5, А; ср. рис. 7). Башня находилась на левом фланге укрепления, который являлся уязвимым участком. Бертье-Делагард описал верховье Казачьей бухты как довольно мелкое²⁵ и полагал, что крепостную стену укрепления необходимо было выдвинуть в воду до большой глубины для прикрытия от обхода ее неприятелем по мелководью. По его мнению, это «было сделано с помощью насыпи камня в воде в виде плотины, на которой была поставлена стена, а на уширенном конце каменной отсыпи крайняя башня. Эта насыпь со временем приняла вид полуостровка, соединяемого с берегом перешейком, затопляемым морем при нагонах воды, тогда это место становится островом»²⁶. В связи с такой трактовкой обороны укрепления большой интерес представляет снимок, сделанный в 1910 г. (рис. 7). На нем видна дамба из камня, соединяющаяся с большой площадкой в виде полуостровка, что подтверждает

²² Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Отчет о раскопках в Херсонесе. 1890 г.* (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1. Л. 45).

²³ Debidour 1979, 310.

²⁴ Garlan 1999, 201, no. 591.

²⁵ Ср. также наблюдение Косцюшко-Валюжинича об островке в верховье Казачьей бухты: «В сухое лето и при сильном южном ветре он превращается в полуостров» (Kosciuszko-Waluzynicz 1891, 60). Заметим, что существует предположение о естественном происхождении островка: Buyskikh 2008, 140.

²⁶ Bertier de la Garde 1893, 58.

мнение Бертье-Делагарда и описание островка Палласом. На островке в Казачьей бухте Паллас фиксировал строения, включенные им в систему древних крепостных сооружений перешейка, предполагая, что «сильнейшая защита была на самом островке»²⁷. В 1845 г. лейтенант Черноморского флота князь В.И. Барятинский провел первые археологические исследования на Маячном полуострове²⁸. На островке в Казачьей бухте он раскопал небольшой средневековый монастырь с остатками храма. Позже Косцюшко-Валюжинич под кладками монастыря открыл сооружение, определенное им как «последняя башня» восточной оборонительной стены укрепления с шириной кладки 1,85 м²⁹. Бертье-Делагард подтверждал, что помимо построек монастыря на островке раскопками открыты «остатки стен толщиной до 7½ футов совершенно особенной кладки... Это остатки крепостной стены древнейшего Херсонеса»³⁰. Однако, по мнению А.В. Буйских, на плане Палласа «передан общий абрис почти квадратной в плане усадьбы» типа «городского дома большой площади», выстроенной в начале освоения полуострова и перекрытой затем монастырем; средневековая планировка, исключая храм, повторила планировку более раннего времени³¹. Заметим, что Паллас видел античные памятники полуострова в лучшей сохранности, и это заставляет нас внимательно отнестись к его выводам, притом что они были подтверждены раскопками Косцюшко-Валюжинича, на плане которых зафиксирована «древнейшая стена (от башни)»³². Важно также сообщение Стржеleckого о том, что в 1920-х годах, когда стены средневековых построек были разобраны и удалены, открылись «фундаменты большой башни крупно-блочной кладки». К сожалению, раскопки, которые могли бы дать точное представление о плане башни, произведены не были³³. На основании приведенных данных башня на островке должна быть включена в систему фортификационных сооружений укрепления. С этой башней Стржеleckий связывал открытый здесь жертвенник Гераклу, который он датировал последней четвертью V — первым десятилетием IV в. до н.э., предполагая, что башня была отдана под покровительство этого героя и носила его имя³⁴.

Под прикрытием левофланговой башни на берегу Казачьей бухты, по предположению Палласа, принятому последующими исследователями³⁵, находились единственные ворота укрепления со стороны Гераклеяского полуострова (см. рис. 5, В).

II. 2. Западная крепостная стена

Западная крепостная стена, как и восточная, проложена с максимальным учетом рельефа местности. Ее трасса прошла по высокой части перешейка и составила около 890 м. От фланговой башни № IX линия стены смещалась

²⁷ Pallas 1999, 45–46.

²⁸ Grinevich 1931, 9.

²⁹ Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Отчет...* Л. 72.

³⁰ Bertier de la Garde 1893, 63.

³¹ Buyskikh 2008, 140, рис. 55.

³² Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Разведки между верховьем Казачьей бухты и противоположным берегом моря. Рукописный отчет. 1890 г.* (НАО ГМЗ ХТ. Ф.1.Д. 1. Л. 50).

³³ Стржеleckий, С.Ф. *«Страбонов Херсонес»*. Л. 10.

³⁴ Strzheletsky 1948, 105.

³⁵ Strzheletsky 1961, 29; Shcheglov 1994, 23.

к бухте, замыкая северную часть укрепления. Куртина 1 (длина 15–16 м) западной стены была зачищена Косцюшко-Валюжиничем, но документация отсутствует. Вторая куртина открыта Печенкиным на протяжении 3 м³⁶ — это однорядная постелистая кладка, толщина ее 1,6 м. Нижний ряд внешнего фасада стены выведен из орфостатов.

Участок четвертой куртины западной крепостной стены, общая протяженность которой составляла около 105 м, открыт в ходе раскопок 1985–1990 гг., проводившихся под руководством автора³⁷. Крепостная стена прослежена на протяжении 87 м, с открытием сохранившихся участков по восточному фасаду, но раскопана на протяжении 5 м по западному фасаду (рис. 8.1 и 8.2). Ее максимальная высота составляет шесть рядов кладки (1 м), толщина — 1,5 м³⁸. Четвертая куртина раскапывалась в 1911 г. Печенкиным, но результаты исследования не опубликованы. Щеглов в архиве Б.В. Фармаковского обнаружил полевые фотографии 1911 г. На опубликованных Щегловым рисунках с фотографий этого года кладка восточного фасада четвертой куртины аналогична кладке участка куртины, раскопанной нами³⁹. Западный фасад четвертой куртины сохранился на высоту одного ряда, он выведен из орфостатов (рис. 8.2), и конструктивно его кладка соответствует системе кладки и технике обработки камня стены, раскопанной в Керкинитиде и отнесенной В.А. Кутайсовым к концу V в. до н.э.⁴⁰ Концом V в. до н.э. можно датировать и участок крепостной стены, раскопанный нами. Вместе с тем мы не можем не принять во внимание сообщение Щеглова о том, что в отдельных обнажениях во внутреннем фасадном слое западной стены им отмечены крупные орфостаты с прилегающими к ним рядами постелистой кладки из мелкого камня. Подобную кладку в Керкинитиде Кутайсов отнес к началу IV в. до н.э. В результате обнаружения этой кладки Щеглов датировал крепостные стены «древнего Херсонеса» (восточную и западную) концом V — началом IV в. до н.э.⁴¹ Если исходить из того, что сообщение Щеглова верно, то открытый раскопками 1985–1990 гг. участок четвертой куртины западной стены следует датировать этим временем. Определение времени возведения западной крепостной стены укрепления осуществлялось нами по системе кладки, аналогичной стене Керкинитиды, имеющей точную датировку. В то же время дата западной стены подтверждается материалами открытого нами строительного комплекса, конструктивно связанного с крепостной стеной, возведение которого относится к концу V — началу IV в. до н.э.⁴² В результате раскопок получены новые данные, подтверждающие датировку орфостатной кладки западной крепостной стены укрепления.

На плане Печенкина в западной крепостной стене показано 10 башен, Стржелецкий предполагал наличие 11, Щеглов — девяти башен и двух ворот⁴³.

³⁶ Shcheglov 1994, 26.

³⁷ Zedgenidze 2016, 604.

³⁸ В этой связи отметим, что акрополь Короней также был окружен стеной толщиной 1,5 м (см. McCredie 1966, 4).

³⁹ Shcheglov 1994, 26, рис. 8, В, Г.

⁴⁰ Kutaysov 1992, 89 (верхний снимок).

⁴¹ Shcheglov 1994, 26.

⁴² Zedgenidze 2016, 606–617.

⁴³ Pechenkin 1911, табл. III; Стржелецкий, С.Ф. «Страбонов Херсонес». Л. 23; Shcheglov 1994, 25.

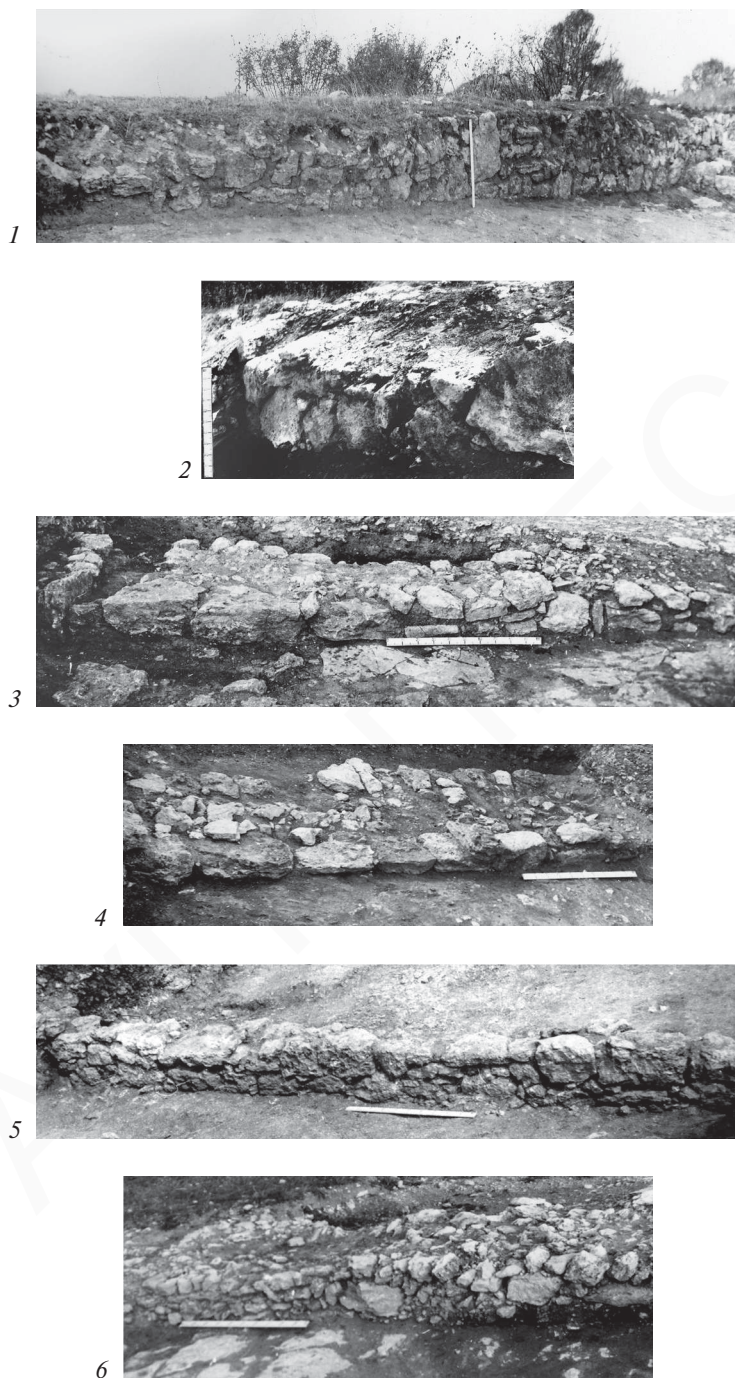

Рис. 8. Стены укрепления. Западная крепостная стена: 1 — восточный фас, вид с юго-востока; 2 — западный фас, вид с запада. Строительный комплекс у западной крепостной стены: 3 — стена 7, вид с юга; 4 — стена 8, вид с юго-запада; 5 — стена 9 усадьбы Северного блока, вид с юга; 6 — стена 3, вид с северо-запада. *Фото А.А. Зедгенидзе*

Башни выступали на 5,6–5,7 м за линию фасада куртин, как и башни восточной крепостной стены, что обеспечивало возможность фланкирующего обстрела нападавших. Планировка башен была двух типов, как с одним большим помещением, так и с двумя помещениями внутри. Башни имели входы со стороны укрепления и выходы на полуостров. Ширина башен колебалась от 6,5 до 7,2 м, толщина стен — от 0,8 до 1,10 м⁴⁴.

Из башни II происходят пять метательных камней, бронзовый наконечник стрелы, обломок каменного молотка, железный нож с костяной ручкой, два точильных бруска, три грузила, ручка амфоры с клеймом (не описано), пять херсонесских монет⁴⁵, из которых определены три: «голова льва вправо — шестилучевая звезда» (середина IV в. до н.э.); «двуликая голова — лев, терзающий быка» (350–330 г. до н.э.); «колелопреклоненная Дева вправо — грифон влево» (330–320 г. до н.э.)⁴⁶. В башне III найдены: метательный камень, разбитый чернолаковый «сосудик», фрагменты простой и чернолаковой керамики⁴⁷, монета типа «двуликая голова — лев, терзающий быка, вправо» (350–330 г. до н.э.)⁴⁸. В башне VIII обнаружено семь метательных камней, бронзовый наконечник стрелы, пять амфорных ручек с клеймами (не описаны), два пирамидальных грузила, глиняное грузило в виде кружка, свинцовая пирамидка, черепки простой и покрытой лаком посуды (122 экз.)⁴⁹, две монеты — одна повреждена, вторая типа «голова Девы — палица в венке» (вторая четверть IV в. до н.э.). Находки из башни IX включают семь метательных камней, лежавших кучкой на полу, бронзовый наконечник стрелы, обломки керамики, две медные монеты, одна разрушена, вторая — типа «голова Девы в венке — палица в венке» (вторая четверть IV в. до н.э.)⁵⁰, медная монета Византия с изображением идущего влево быка на лицевой стороне и трезубца на оборотной⁵¹ (411–387/386 г. до н.э. по Э. Шёнерт-Гайс⁵²).

В помещении башни V в глинобитном полу открыто прямоугольное углубление (1 × 0,9 м), облицованное вертикально поставленными плитами, с пережженными бараньими костями, представляющее собой один из «очажков», по мнению Косцюшко-Валюжинича. Можно согласиться с тем, что в башне это сооружение могло служить очагом. Вместе с тем Стржелецкий, а затем и Щеглов указывали на культовый характер подобных «очажков»⁵³. Культовое назначение имело подобное сооружение в храме, открытом на акрополе (см. раздел III), и в конструкциях в портовом районе укрепления (раздел IV).

*Южные ворота*⁵⁴ в 4-й куртине (см. рис. 5, В-1) раскопаны Печенкиным в 1911 г., но результаты не были опубликованы, сохранились лишь архивные материалы, использованные Щегловым. Им опубликованы фотографии

⁴⁴ Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Отчет...* Л. 45; Shcheglov 1994, 27–30.

⁴⁵ Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Отчет...* Л. 45.

⁴⁶ Anokhin 1977, 136–137.

⁴⁷ Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Отчет...* Л. 45.

⁴⁸ Anokhin 1977, 137.

⁴⁹ Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Отчет...* Л. 6, 46.

⁵⁰ Anokhin 1977, 13–15.

⁵¹ Shcheglov 1994, 35.

⁵² Schönert-Geiß 1972, Nr. 871–913; Taf. 37–38.

⁵³ Shcheglov 1994, 30.

⁵⁴ Северные ворота, устроенные в 7-й куртине (рис. 5, В-2), раскапывались Лепе-ром, не оставившим их описания; см. Shcheglov 1994, 31, 34.

объекта, представлены чертежи обмеров Некрасова, его рисунки по фотографиям 1911 г., эскиз реконструкции ворот⁵⁵. Имеется также план-схема ворот, выполненная Стржеleckим⁵⁶. Ворота образованы двумя пилонами толщиной 1 м, обращенными внутрь укрепления, ширина проема 3,25 м, длина 2,20 м; южный пилон лучшей сохранности, часть северного разрушена вместе с куртиной. Фасадный слой пилонов представлял однорядную кладку из тщательно отесанного камня «логом». В проеме на расстоянии 0,3 м от линии фасада стены обнаружены пяточные камни с пазами для крепления столбов полотнищ ворот, пазы для их установки имели сечение 0,5–10 × 14 см при глубине 1–2 см. Ворота двустворчатые с шириной створок 1,4 м. С внешней стороны из глубины полуострова к воротам подходила магистральная дорога. Перед воротами в ограде дороги открыт проем для калитки, открывавшейся внутрь укрепления, с шириной прохода 1,10 м, длиной 2,20 м⁵⁷. Южные ворота Шеглов охарактеризовал как блестящий образец строительного искусства. Действительно, строителями Херсонеса и его укрепления, как и всей северопричерноморской периферией, довольно быстро усваивались достижения в строительной технике и конструкциях крепостных сооружений Греции⁵⁸.

II. 3. Внутренняя поперечная стена

Стена, открытая Печенкиным в 1911 г., перегораживала укрепление, отделяя его юго-западную, возвышенную, часть, заканчивавшуюся на юге береговым обрывом. Она пристроена впритык к четвертой куртине западной стены. Противоположный ее конец открыт у восточной крепостной стены. Печенкин писал: «Кладка та же, что и в стенах. Те же массивные камни, очищенные к наружной стороне»⁵⁹. Стена толщиной 1,6 м сложена в технике превосходной постелистой трехслойной кладки. Интерпретация поперечной стены именно как элемента укрепления⁶⁰ связана с предположением о гарнизоне, который мог располагаться на территории, отделенной этой стеной (см. раздел V).

Итак, крепостные стены «древнего Херсонеса» возведены по краям командных высот перешейка Маячного полуострова, что соответствовало требованиям греческой фортификации. Они состояли из куртин и башен, а расстояние между башнями соответствовало рекомендациям античных фортификаторов и было оптимальным и принятым в стеностроительстве Северного Причерноморья⁶¹. Сопоставление параметров стен укрепления позволяет говорить о близкой толщине открытых частей внешней и внутренней стены (до 1,6 м) и общей для обеих стен частоте размещения башен, что свидетельствует о близости их огневой мощи.

Относительно находок из укрепления приведем наблюдения Косцюшко-Валюжинича: «Находки ничем не отличаются от Херсонесских и не свидетельствуют о своей глубокой древности: те же грузила-пирамидки, амфорные ручки с именами астиномов, черепки под лаком и с инициалами владельцев

⁵⁵ Shcheglov 1994, 30, 31; рис. 14–16.

⁵⁶ Strzheletsky 1961, 171, рис. 3.

⁵⁷ Shcheglov 1994, рис. 14, 15.

⁵⁸ Ср. Kutaysov 1992, 83.

⁵⁹ Печенкин, Н.М. *Разыскания на местности предполагаемого древнего Херсонеса. Лето 1905 г.* (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 182. Л. 2).

⁶⁰ Ср. Shcheglov 1994, 18.

⁶¹ Kutaysov 1992, 81.

и те же самые монеты»⁶². Щеглов указывал на монету Византия конца V — начала IV в. до н.э. и на фасосское амфорное клеймо первой половины IV в. до н.э., определяющих нижнюю временную границу возведения крепостных стен⁶³. Открытый нашими раскопками 1985—1990 гг. участок западной стены датируется концом V — началом IV в. до н.э. Эта дата подтверждается материалами строительного комплекса, конструктивно связанного с крепостной стеной. Обильный керамический материал получен в последнее время при раскопках четвертой куртины восточной крепостной стены. Возведение стены датируется концом V — первой половиной IV в. до н.э., ее функционирование ограничивается началом III в. до н.э.⁶⁴

Сопоставление датировок восточной и западной крепостных стен связано с решением дискуссионных вопросов о времени их строительства и о более позднем возведении западной стены⁶⁵. Археологические материалы говорят об одновременном возведении этих крепостных стен.

Открытые Печенкиным, а затем Лепером сооружения в центральной части укрепления послужили поводом для выделения на городище «средней жилой зоны». Территорию укрепления разделяли на три части: незастроенную, верхнюю — акрополь и застроенные: среднюю — жилую и нижнюю — портовую⁶⁶. Такое деление по основному признаку территории представляется вполне логичным.

III. АКРОПОЛЬ

Как говорилось выше, от восточной крепостной стены к западной была возведена поперечная стена. Ее функция не могла ограничиваться лишь разделением внутреннего пространства укрепления. Фортификаторы «древнего Херсонеса» использовали архитектурно-планировочное решение, известное по укреплениям в Греции⁶⁷, согласно которому в самой возвышенной части перешейка, окруженной с трех сторон крепостными стенами, а с четвертой — защищенной береговым обрывом высотой до 35 м, можно было укрыться от неприятеля. Отсюда просматривалось все укрепление и плато Гераклеийского полуострова. Площадь этого участка составляла около 4,5 га. Он был исследован Печенкиным, следов построек обнаружено не было.

У первой башни западной крепостной стены Косцюшко-Валюжинич раскопал храм, примыкавший к крепостной стене (см. рис. 5, *К-1*). Он дал план строения, рисунок и описание его внутреннего помещения размерами 6 × 3,90 м⁶⁸ (рис. 9). Напротив входа у западной стены храма был обнаружен пьедестал для статуи бога, сооруженный из базы и канелированной колонны из местного известняка. Высота сохранившейся части колонны 0,57 м, диаметр 0,21 м, верхний диаметр базы 0,42 м, нижний — 0,62 м. Вплотную к пьедесталу был приставлен жертвенник, основание которого сложено из

⁶² Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Отчет...* Л. 46.

⁶³ Shcheglov 1994, 32.

⁶⁴ Dem'yanchuk, Nessel' 2011, 67, 69.

⁶⁵ Nikolaenko 1997, 79.

⁶⁶ Strzheletsky 1959, 72; Shcheglov 1976, 42; 1994, 18.

⁶⁷ Lawrence 1979, 32.

⁶⁸ Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Разведки...* Л. 37; он же. *Отчет...* Л. 43. Ср. Производство археологических раскопок в Таврической губернии. ОАК за 1890 г. 1893. С. 38.

подтесанных камней и перекрыто плитой длиной 1,15 м, шириной 0,52 и толщиной 0,10 м. Высота жертвенника в отчете не указана, но, судя по рисунку, она не превышала 0,50 м. Перед жертвенником — конструкция из плит, поставленных на ребро толщиной 0,025 м, шириной 0,52 м, высотой 0,41 м. На жертвеннике сохранилась одна строка надписи, которую Косцюшко-Валюжинич прочитал так: ΔΙ ΝΥΣΙ. Бертье-Делагард, представляя запись на жертвеннике как ΔΙΩΝΥΣ, определил храм в качестве посвященного богу Дионису, при этом он писал: «Совершенная целость и сохранность таких легко сбрасываемых остатков... удивительна»⁶⁹. В.В. Латышев датировал надпись по шрифту римским временем и реконструировал имя дедиканта — Дионисий: Δι[ο]νύσι[ος τοῦ θεῖνος ἀνέθηκεν?] (*IOSPE I*² 706). Э.И. Соломоник также считала, что на жертвеннике высечено имя дедиканта, и относила надпись к римскому времени⁷⁰. Из отчета Косцюшко-Валюжинича мы узнаем, что памятники, оставленные на месте, там и погибли. Относительно надписи на плите жертвенника Стржелецкий утверждал, что столь поздняя датировка (римское время) могла быть следствием заблуждения Латышева, в которое он был введен записью Косцюшко-Валюжинича, с которой он знакомился по отчету из архива Археологической комиссии. Стржелецкий писал об условности шрифта, воспроизводимого Косцюшко-Валюжиничем: «Надписи начиная с IV в. до н.э. и кончая позднеримскими передаются одним шрифтом»⁷¹.

Косцюшко-Валюжинич также сообщает, что «в земле, вынутой из храмика, найден обломок каменной надгробной плиты с задней ногой и хвостом лошади и частью одежды всадника, и другой обломок с неясным очертанием человеческой фигуры»⁷². Первый из этих обломков Щеглов атрибутировал в качестве фракийского посвяtitельного рельефа с изображением всадника, датируя его II–III вв. н.э. Исходя из этого, он пришел к заключению, что храмик был сооружен в первые века н.э. и что его планировка и размеры обычны для фракийских святилищ. Таким образом, он предполагал, что на руинах «Страбонова Херсонеса» во II–III вв. н.э. существовало святилище с храмиком, посвященным фракийским богам. Поблизости от храма мог находиться римский сторожевой пост, statio бенифициариев⁷³. Стржелецкий датирует этот храм IV в. до н.э. и приводит следующие доводы⁷⁴: 1) храм связан с древней крепостной стеной (по данным наших раскопок, она относится к концу V — началу IV в.); 2) на одновременность крепостной стены и храма указывают находки однородных культовых памятников (очагов) в храме, в башнях крепостной стены и в примыкавшем к ней жилом доме; 3) характер кладки стен храма (нечто вроде полигональной кладки) известен в Херсонесе для стен конца IV — начала III в. до н.э.; 4) база и колонна пьедестала статуэтки охарактеризованы Бертье-Делагардом как очень ранние; 5) в хорошо сохранившемся храме, функционировавшем в течение длительного периода, не найдено вещей римского времени; 6) все находки археологической кампании (1890 г.), в ходе которой был открыт храмик, в том числе монеты, относятся к раннеэллинистическому

⁶⁹ Bertier de la Garde 1893, 57.

⁷⁰ Solomonik 1984, 7.

⁷¹ Strzheletsky 1948, 103–104.

⁷² Косцюшко-Валюжинич, К.К. *Отчет...* Л. 43.

⁷³ Shcheglov 1969, 153.

⁷⁴ Strzheletsky 1948, 104–105.

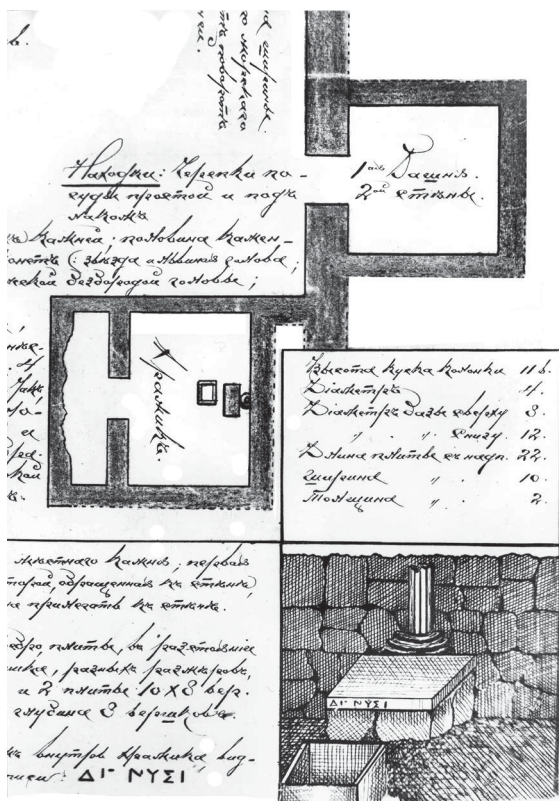

Рис. 9. Акрополь. План 1-й башни 2-й (западной) крепостной стены и храма. Интерьер храма (по: Косцюшко-Валюжинич, К.К. Разведки... Л. 46)

му сооружению перед жертвенником в храме, обнаружены в портовой части укрепления среди материалов раннеэллинистического времени (см. раздел IV.2). На плане Косцюшко-Валюжинича (рис. 9) зафиксированы главные элементы храма, дающие информацию о его первоначальном устройстве: он имел прямоугольную форму с длиной 8,60 м и шириной 6,9 м.

Что касается надписи на жертвеннике, то она сделана на съёмной плите, которая могла быть поставлена на жертвенник значительно позже возведения храма. Рельеф из храма датируется II–III вв. н.э., к этому времени храм существовал уже около 700 лет. Рельефы могли попадать в храм разными путями: первоначально в храмах хранились только культовые изображения; в римский период храмы могли служить сокровищницами и для картин, и для других произведений искусства.

Поскольку «древний Херсонес» не был временным военным лагерем, а представлял собой внушительный фортификационный комплекс, возведенный на достаточном удалении от апойкии, функционирование там храма представляется нам совершенно логичным и необходимым. Храм примыкал к комплексу фортификационных сооружений «древнего Херсонеса», что может свидетельствовать об одновременном строительстве стен укрепления

времени. Эти доводы представляются нам достаточно убедительными, чтобы считать, что храм был построен в IV в. до н.э.

Храм и крепостная стена, к которой он примыкал, были разрушены при сооружении береговой батареи № 35. Памятник утрачен, однако его хронология устанавливается при обращении к топографии храма, археологическому контексту. На плане Косцюшко-Валюжинича стена укрепления и храм составляют единый комплекс, южная стена храма построена вперевязь с крепостной стеной, возведение которой датируется концом V — началом IV в. до н.э., а утрата ею фортификационного назначения относится к концу IV в. до н.э.⁷⁵ Зафиксированная на рисунке кладка стены храма выполнена с соблюдением рядности, некоторые камни поставлены орфостатно. Строительная техника храма близка другим сооружениям укрепления (рис. 8.2). В настоящее время конструкции, аналогичные кульгово-

⁷⁵ Zedgenidze 2016, 603.

и храма или по крайней мере об их как структурной, так и хронологической соотнесенности.

Существование храма на акрополе позволяет предположить, что его участок у западной стены, который примыкал к храму, был теменосом, посвященным богу, имя которого, к сожалению, утрачено. Наконец, нельзя не заметить, что выдающаяся природная красота — возвышенность, господствующая над полуостровом, уходящие вдаль прибрежные обрывы, морской простор — делают совершенно естественным выбор именно этого участка в качестве акрополя и теменоса.

IV. ПОСЕЛЕНИЕ

IV. 1. Центральная часть

Поселение, располагаясь на возвышенности, занимало удобное положение с точки зрения защиты. Оно имело хорошую гавань, в которой могли укрываться суда от непогоды при любом ветре. Казачья бухта, относимая к основным гаваням Херсонеса, характеризуется как безопасная по глубине, форме, изобатам⁷⁶. Поблизости от укрепления находилось соленое озеро; это был один из самых обильных рыбой участков побережья⁷⁷. От Херсонеса к укреплению была проложена так называемая большая Херсонесская дорога, «которая, — писал Дюбуа де Монпере, — уступая неровностям почвы, обходит склоны, холмы, пересекает овраги по насыпям, а достигнув Стрелецкой бухты, идет по вымостке из огромных камней и пересекает верховье бухты, обходя две обрывистые скалы, в коих оно заключено»⁷⁸. Завершающая часть дороги у Казачьей бухты просматривалась еще в 1960-е годы. Дорога подходила к воротам в восточной стене укрепления и, пересекая его, продолжалась на полуострове (см. рис. 3.4; рис. 5, Д).

Систематических исследований, которые могли бы дать цельную картину центральной части укрепления, не проводилось. В 1911, затем в 1914 г. здесь велись работы Печенкиным при участии Лепера. У западной крепостной стены раскапывались «дом № 5» (рис. 5, П-2) и строительный комплекс у восточной крепостной стены (см. рис. 5, Л-1). Его примерное месторасположение определяется по дневниковой записи и сохранившимся фотоснимкам раскопа⁷⁹ (рис. 10). Графическая документация по открытым объектам и полная опись находок отсутствуют, имеется лишь краткая информация о раскопках⁸⁰. Однако по их результатам был сделан общий вывод о наличии внутри этой части укрепления жилых сооружений. Щеглов соглашался с этим выводом, но позже писал, что центральная часть укрепления представляла собой стандартные земледельческие участки, подобные наделам на полуострове. Материалы, противоречащие этому положению Щеглова, рассмотрены в разделе I.

В 1985–1990 гг. в центральной части укрепления был открыт строительный комплекс, примыкавший к крепостной стене, функционировавший в конце

⁷⁶ Lebedinski, Pronina 2013–2014, 99.

⁷⁷ Это отмечал Стрелецкий («*Страбонов Херсонес*». Л. 26), характеризуя поселение в качестве города.

⁷⁸ Dubois de Montpéroux 2009, 216.

⁷⁹ НАО ГМЗ ХТ. Ф. 3. Д. 96. Л. 2; негативы 1994–1997 гг.

⁸⁰ Moiseev 1918, 51–52.

Рис. 10. «Один из раскопов с видом на Казачью бухту с островком». Снято с юго-востока. НАО ГМЗ ХТ. Ф. 3. Негатив 1997

V–IV в. до н.э.⁸¹ Он состоял из двух блоков — Северного и Южного, каждый из которых включал усадьбу и свободное пространство. Наиболее сохранившаяся усадьба Северного блока представляла собой прямоугольное в плане сооружение площадью 200 м², состоявшее из центрального двора и расположенных по его продольным сторонам двух помещений (рис. 6.1, 6.2). Открытое сооружение соотносится с типом «усадьбы с помещениями, расположенными с двух сторон двора», по классификации А.В. Буйских⁸². К единственному известному образцу усадеб этого типа на Маячном полуострове — на клере № 4⁸³ — относится и этот памятник. Однако по сравнению с указанной усадьбой он занимал меньшую площадь и уступал ему по количеству помещений.

Свободные пространства строительного комплекса, его Северного и Южного блоков, площадью 420 и 375 м², определены нами в качестве убежищ для жителей Маячного полуострова в случае опасности. В качестве типологической параллели можно привести сооружение на поселении Старая Богдановка к северу от Ольвии: часть этой постройки также представляла собой свободное пространство. Ее, как и свободные пространства наших блоков, характеризовала большая площадь, мощность обводных стен, отсутствие следов

⁸¹ Zedgenidze 2016, 597–625.

⁸² Buyskikh 2008, 146.

⁸³ Strzheletsky 1961, 39, 179 рис. 14.

очагов и хозяйственных ям, что дало основание исследователям видеть в этой постройке объект общественного назначения, призванного в момент опасности выполнять роль убежища для обитателей поселения⁸⁴.

Открытые в центральной части «древнего Херсонеса» строения позволяют охарактеризовать строительную технику сооружений укрепления. Стены представляют собой преимущественно иррегулярные трехслойные кладки на глинистом растворе толщиной от 0,5 до 1,8 м. Некоторые стены возведены на скале со слоевым основанием из глины с примесью известняковой крошки (рис. 8.4 и 8.5), другие не имели фундамента (рис. 8.3 и 8.6). Внешний фас стены 9 выполнен с соблюдением рядности⁸⁵ (рис. 8.5). В стене 7 (рис. 8.3) открыт паз для скрепления ее деревянным брусом, что иллюстрирует рекомендацию Витрувия (I. 5. 3) о закладывании брусьев, чтобы стена, связанная «этим брусьями как скрепами, навеки сохраняла свою прочность» (пер. Ф.А. Петровского).

IV. 2. Портовый район

Северная часть перешейка подходит к побережью Казачьей бухты крутым склоном, но прилегающая к бухте территория ровная. В качестве портового этот район определен Р.Х. Лепером, Л.А. Моисеевым, позже Стржелецким, характеризовавшим его как наиболее интенсивно функционировавшую часть укрепления⁸⁶. Остатки строительных комплексов и находки в портовом районе фиксировал Щеглов⁸⁷. Косцюшко-Валюжинич вел раскопки «у Казачьей бухты, где оканчивается стена, спускающаяся вниз» от угловой башни IX (см. рис. 5, К-2). Из находок имеется только перечень простой и чернолаковой керамики (125 экз.), фрагменты клейменных амфор, грузила — обычный набор вещей из раскопок сооружений, открытых внутри укрепления. На плане Печенкина нанесены обнаруженные им «следы здания» (рис. 5, П-3). Лепер производил раскопки двух хозяйственно-жилых комплексов: одно здание у западной оборонительной стены (рис. 5, Л-2), второе локализовано «позади сараев военного ведомства». Щеглов уточнил район местоположения этого раскопа (рис. 5, Л-3) и опубликовал материалы из него⁸⁸. Это фрагменты керамических сосудов и предметы из металла. Большая часть материала относится к IV в. до н.э.; 8 экземпляров определены Щегловым как архаическая керамика, отмечена также находка «монетовидного знака», определенная как монета-стрелка. В.М. Зубарь считает, что представленная Щегловым керамика является керамикой ионийского типа, а не архаической; она добыта среди материалов IV в. до н.э. Относительно же монетовидного знака утверждает, что он не дает оснований для заключения о том, что это монета-стрелка⁸⁹.

С 1996 г. на перешейке Маячного полуострова экспедицией под общим руководством Г.М. Николаенко раскапывались строительные остатки, комплекс которых назван его исследователями «античным поселением на

⁸⁴ Marchenko, Domanskiy 1982, 64; Buyskikh 1986, 19.

⁸⁵ Подробную характеристику строительной техники сооружений центральной части укрепления см. в Zedgenidze 2016, 602–622.

⁸⁶ Стржелецкий, С.Ф. «*Страбонов Херсонес*». Л. 24.

⁸⁷ Shcheglov 1994, 20.

⁸⁸ Shcheglov 1997, 43–54.

⁸⁹ Zubar' 2007, 171. Осмотр керамики и монетовидного знака заставляет нас присоединиться к мнению Зубаря.

западном берегу Казачьей бухты». Этот объект важен ввиду его хорошей сохранности⁹⁰. С.Г. Демьянчуком, В.А. Нессель, Г.М. Николаенко, Г.А. Олтаржевским, А.И. Петроковским опубликованы монетные находки и ритуальные конструкции поселения⁹¹. Поселение изучено на площади 0,2 га и датируется в пределах начала IV в. до н.э. — II–III вв. н.э.⁹² Дана также характеристика раскопа I, примыкающего к углу, образованному 8 и 9 куртинами западной крепостной стены у башни IX, и раскопа II — «нижнего». На раскопе I «открыто сооружение, архитектурно тяготеющее к IX (условной) башне». «Нижний» раскоп II включает два участка, называемых Северным и Южным кварталами, разделенными дорогой пятиметровой ширины с покрытием и водостоками.

Более полно изучен Северный квартал. Здесь исследовано около 30 помещений, представляющих собой систему открытых дворов и перекрытых помещений. Открыто два колодца, вырубленных в скале, глубиной до зеркала воды от 6 до 8 м. Центром квартала являлся дворик площадью 25,3 м², в котором обнаружен алтарь, служивший для совершения обрядовых сожжений олимпийским богам и, возможно, для ритуалов, связанных с хтоническими божествами. Среди находок херсонесский дихалк 260–240 гг. до н.э., два светильника местного производства второй половины IV — начала III в. до н.э., фрагменты чернолаковых сосудов. К описанному алтарю близка конструкция в центре одного из помещений Северного квартала. Авторы публикации⁹³ предполагают связь этого сооружения с описанным выше алтарем, но не исключают и вероятности того, что конструкция была стационарным очагом или жаровней. В помещении найдены фрагменты раннеэллинистических амфор и чернолаковых сосудов. Описаны и два других объекта из помещений нежилого характера, которые авторы рассматривают среди ритуальных конструкций поселения. Авторы публикации приводят литературу и аналогии открытых конструкций в античных городах и поселениях, не обращаясь к объектам «древнего Херсонеса». Вместе с тем раскопки «древнего Херсонеса» дают набор так называемых очажков. Эти однотипные конструкции, сложенные из поставленных на ребро плит, заглубленных в поверхность пола и размещенных по центру помещения, открыты в башне V западной крепостной стены, в доме № 5 у этой башни и в храме на акрополе. Сооружения, в которых раскопаны «очажки», определены как храм, башня, помещение дома № 5, помещения в Северном квартале портового района, что проясняет назначение этих конструкций. В «древнем Херсонесе» в одних помещениях они могли служить в качестве очагов, в других имели культовое назначение, что подтверждается совмещением функций этих конструкций в жилых домах Херсонеса как очагов, а также для отправления домашнего культа⁹⁴. Фиксация однотипных «очажков» в разных районах и помещениях укрепления важна как аргумент в пользу их общей материальной культуры.

⁹⁰ Ср. Zubar' 2007, 124. См. также Nikolaenko 2018, где описана застройка Портового района (с. 29–63; эта монография Г.М. Николаенко вышла после того, как наша статья была сдана в печать).

⁹¹ Dem'yanchuk *et al.* 2005, 438–446; Nessel' *et al.* 2008, 488–495.

⁹² Nessel', Dem'yanchuk 2015, 55.

⁹³ Nessel' *et al.* 2008, 488–494.

⁹⁴ Buyskikh 2008, 129.

В раскопках «античного поселения» в 1997–2003 гг. были обнаружены монеты в количестве 30 экземпляров, из них атрибутировано 22⁹⁵. Большинство монет (17 экз.) относится к чекану Херсонеса, три монеты выбиты в Пантикапее, одна в Ольвии и одна в Византии. Самая ранняя монета – херсонесский дилептон типа «букраний в фас, украшенный гирляндой – рыба и палица влево, ХЕР». А.Н. Зограф датировал ее 350–300 гг. до н.э., В.А. Анохин, Е.Я. Туровский и С.А. Коваленко – второй четвертью IV в. до н.э.⁹⁶ Два экземпляра монет типа «голова льва вправо – пятилучевая звезда, между лучами пять черточек» Зограф и Анохин датировали временем около середины IV в. до н.э., Туровский серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. Авторам публикации датировка Туровского представляется предпочтительной⁹⁷, С.Ю. Сапрыкину – заниженной, так как эти монеты, по его наблюдениям, крайне редко встречаются на усадьбах Северо-Западного Крыма, «начавших активно функционировать в третьей четверти IV в. до н.э.». Монеты типа «квадрига – воин со щитом и копьем» (9 экз.), по наблюдениям Сапрыкина, встречаются там, где фиксируются слои второй четверти – середины – третьей четверти IV в. до н.э.⁹⁸ Две монеты типа «грифон – коленопреклоненная Дева» авторы публикации относят к 320–315 гг. до н.э., следующая, довольно редкая монета типа «голова Девы в венке – коленопреклоненная Дева, стреляющая из лука», датируется 290-ми годами до н.э. Имеется один экземпляр монеты типа «голова Девы вправо – лежащая лань влево», внизу имя – ХОΡΕΙΟΥ (260–240-е годы до н.э.⁹⁹). Найдены и иногородние монеты: три из них выбиты в Пантикапее, а именно «бородатый сатир вправо – протома грифона влево, внизу осетр» (375–340 гг. до н.э.), «голова бородатого сатира в венке влево – лук и стрела ПΑΝΤΙ» (325–300 гг. до н.э.¹⁰⁰). Две монеты типа «голова бородатого сатира в венке влево – лук и стрела, ΠΑΝ» Зограф датировал 300–250 гг. до н.э., Анохин – 275–245 гг. до н.э.¹⁰¹ Монета Византия «корова влево, стоящая на дельфине, сверху буквы ΠΥ – трезубец между двумя дельфинами» датируется временем до 340 г. до н.э.¹⁰² Монета Ольвии относится к типу «голова Аполлона вправо – коленопреклоненный лучник влево», который, по Карышковскому, датируется последней четвертью III в. до н.э., а по Анохину – 270–260 годами до н.э.¹⁰³

Представленная выборка показательна: 16 из 17 определенных херсонесских монет выпущены в IV в. до н.э., самая ранняя из них датируется второй четвертью IV в. до н.э. Наибольшим числом экземпляров (9) представлены монеты типа «квадрига – воин со щитом и копьем», датируемые второй – третьей четвертью IV в. до н.э. Обратим внимание на сходство набора монет из раскопок «Античного поселения» и башен западной крепостной стены укрепления (см. раздел II. 2). В обеих выборках преобладают херсонесские монеты с наибольшим числом экземпляров середины IV в. до н.э.

⁹⁵ Dem'yanchuk *et al.* 2005, 438–446; см. также Nikolaenko 2018, 177.

⁹⁶ Zoграф 1951, табл. XXXV, 12; Anokhin 1977, 27; Turovsky 1997, № 10.

⁹⁷ Dem'yanchuk *et al.* 2005, 439.

⁹⁸ Saprykin 2005, 70–71.

⁹⁹ Dem'yanchuk *et al.* 2005, 439–444.

¹⁰⁰ Zoграф 1951, табл. XL, 18, 30; Saprykin 2005, 36.

¹⁰¹ Zoграф 1951, табл. XLI, 4; Anokhin 1986, табл. 4, 133.

¹⁰² Sear 1978, № 1591.

¹⁰³ Karyshkovsky 1988, рис. 7, № 10; Anokhin 1986, табл. XVI, № 232–234.

Показателен компактный состав херсонесских монет, найденных как в «Античном поселении», так и в башнях западной крепостной стены. Характерно малое количество иногородних монет в обеих выборках: подобная ситуация в свете анализа Сапрыкиным денежного обращения на хоре Херсонеса в античную эпоху может расцениваться как результат контроля херсонесского правительства над ближней хорой¹⁰⁴.

В открытой раскопками части «античного поселения» его исследователи предполагали наличие теменоса¹⁰⁵, что вызвало возражения в литературе. В.М. Зубарь отмечал, что нумизматический материал, опубликованный вне археологического контекста, и описание отдельных элементов застройки не позволяют делать вывод о наличии здесь теменоса и недостаточны для исторической интерпретации памятника¹⁰⁶, А.В. Буйских также не видит в исследуемой структуре теменос¹⁰⁷. Можно надеяться, что более точная интерпретация памятника будет возможна при изучении его в целом.

Раскопки «античного поселения» подтвердили ранее высказанное исследователями предположение об интенсивной застройке портового района укрепления. Теперь очевидно, что она простиралась от 9 куртины западной крепостной стены на северо-западе до дороги укрепления, соединяющейся с магистральной дорогой полуострова и с «большой Херсонесской дорогой», ведущей в апоикию (см. рис. 5).

V. НАЗНАЧЕНИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Для определения назначения фортификационных сооружений на перешейке Маячного полуострова следует учитывать два фактора: географические особенности того пункта, где находилось укрепление, и демографическую ситуацию на Гераклейском полуострове в период создания инфраструктуры хоры. Кроме того, желателен учет возможных типологических параллелей; при этом следует сразу отметить, что полные и очевидные параллели могут отсутствовать в силу уникальности каждого из объектов из-за неповторимости географических черт и своеобразия демографической ситуации¹⁰⁸.

Укрепление находится на достаточно узком перешейке, который вполне возможно перегородить непрерывными стенами с обеих сторон (см. рис. 1), учитывая неизбежную ограниченность ресурсов на начальном этапе формирования полиса. Северо-западная оконечность Маячного полуострова

¹⁰⁴ Saprykin 2005, 78.

¹⁰⁵ Nessel' *et al.* 2006, 253–254

¹⁰⁶ Zubar' 2007, 124.

¹⁰⁷ Buyskikh 2008, 149.

¹⁰⁸ С.Ю. Сапрыкин, перечисляя разнообразные укрепленные пункты, кажущиеся близкими Страбону Херсонесу, справедливо указывает, что прямой аналогии между ними нет (Saprykin 1994b, 137–138). Действительно, судя по описанию Дж. Маккриди, эти пункты имеют либо иное происхождение, либо иные функции, либо характеризуются иными географическими условиями. Так, например, Короней в Аттике представляет собой укрепленный лагерь, построенный чужеземной армией, он не является постоянным укреплением и отличается грубыми фортификационными строениями, примитивными постройками и отсутствием планировки зданий (McCredie 1966, 13). Такие признаки, как использование рельефа местности для обороны или обнесение значительного пространства оборонительными стенами, являются слишком общими и универсальными, чтобы говорить о конкретной типологии.

допускает нападение с моря, однако в таком случае владельцы наделов на Маячном п-ове могли бы укрыться за западной стеной укрепления. Также и в случае высадки в районе небольшой низменности в юго-восточной части полуострова враг оказался бы под восточной стеной укрепления (прямо под акрополем), т.е. в заведомо уязвимом положении. Укрепление располагалось на возвышенном месте, позволявшем обозревать как Маячный, так и Гераклеийский полуостров. Территория укрепления была перегорожена внутренней поперечной стеной (см. рис. 5 б), в результате чего в самой высокой части перешейка был сформирован акрополь. Со стороны суши он с трех сторон был защищен стенами (восточной, западной и внутренней поперечной), а с четвертой стороны — со стороны моря — неприступным обрывом¹⁰⁹. Таким образом, задачей укрепления было зашщат наделы на Маячном мысу, в связи с чем не было необходимости возводить там укрепленные усадьбы¹¹⁰. Однако помимо защиты Маячного мыса укрепление имело и более общую стратегическую задачу в логике фортификации хоры: в первую очередь укрепить пограничные земли, т.е. Маячный полуостров, а не срединную территорию Гераклеийского полуострова. Обосновавшись на западной оконечности Гераклеийского полуострова, херсонеситы закрепили за собой эту границу и, следовательно, всю территорию полуострова, лежащую между Херсонесом и Маячным полуостровом. Для более надежной защиты следовало бы отгородить стеной весь Гераклеийский полуостров с востока, однако постройка между устьями нынешней Севастопольской и Балаклавской бухт даже достаточно скромной непрерывной стены, аналогичной стенам укрепления, представляется невозможной. Тем не менее оборонительные сооружения были возведены и с этой стороны Гераклеийского полуострова. Они были засвидетельствованы Палласом: «По сторонам этой линии (от Балаклавской бухты до Инкермана. — А. З.) примечается возвышенность... на которой... видны очень слабые следы стены и нескольких башен, частью четырехугольных, частью круглых, из которых большая доля камня, кажется, тесаного, была увезена в Балаклаву»¹¹¹. Следует также учитывать, что по периметру Гераклеийского полуострова на возвышенных местах побережья реконструируется цепь святилищ, которые помимо сакральной функции могли служить наблюдательными пунктами и предупреждать внезапную высадку со стороны открытого моря. Об одном из этих святилищ (на мысу Парфений) упоминает Страбон¹¹².

Что касается демографической ситуации в период формирования хоры, то ее территория не была свободна от варваров, а именно тавров, традиционно пользовавшихся у греков дурной репутацией и, безусловно, представлявших собой опасность для колонистов. Археологически таврам соответствует кизил-кобинская культура¹¹³. Исследователи единодушны в том, что Гераклеийский полуостров был заселен носителями этой культуры, тем не менее во второй четверти или первой половине IV в. до н.э. жизнь в варварских

¹⁰⁹ Нельзя не заметить, что фортификационное значение этого пункта сохранялось до самого последнего времени: именно там располагалась 35-я береговая батарея.

¹¹⁰ В отличие от остальной части Гераклеийского полуострова, см. Zedgenidze 2017, 92.

¹¹¹ Pallas 1999, 42.

¹¹² Всего реконструируется четыре таких пункта; подробно о них см. Zedgenidze 2015c, 186; там же дана схема их расположения.

¹¹³ Zubar' 2004, 6–20; Kravchenko 2010, 149–154.

поселениях северного побережья полуострова и в его западной части прекращается¹¹⁴, что связывают с началом освоения Херсонесом территории полуострова. Варварские поселения в Инкерманской, Бельбекской и Балаклавской долинах продолжили свое существование, что подтверждает предположение о том, что прекращение жизни в поселениях Гераклейского полуострова связано с колонизационной деятельностью греков¹¹⁵.

Мы подошли к необходимости дать определение укреплению на перешейке Маячного полуострова. Из всех типов древнегреческих фортификаций¹¹⁶ ближе всего к нашему объекту находится *φρούριον*. А. Лоуренс указывает следующие черты такого типа укрепления: оно является постоянным, находится в определенном удалении от города, чаще всего имеет акрополь, возводится в местности с враждебным населением. Укрепление на Маячном полуострове вполне соответствует этим признакам. На его акрополе, в той части, которая была отделена поперечной стеной, мог располагаться гарнизон (*φρουρά*)¹¹⁷. В этой связи следует упомянуть надпись в честь Акасикла, сына Ктесия (*IOSPE I*², 418), которого можно считать стратегом Херсонесской хоры¹¹⁸. Агасикл предложил декрет о гарнизоне и устроил его (*εἰσαγαγμένῳ τὰν φρου[ρ]ᾶν καὶ κατασκευάζαντι*), а также размежевал виноградник на равнине (*<ὁ>ρίξαντι τὰν ἐπὶ τοῦ πεδίου ἄμπελεῖαν*) и был стеностроителем (*τειχοποιήσαντι*). Хотя надпись относится к III в. до н.э., т.е. ко времени позднее создания укрепления, упоминание гарнизона показательно. Что касается типологических параллелей, то слово *φρούριον* употреблено в надписи в честь стратега, найденной на мысу Сунион и датированной первой половиной III в. до н.э.¹¹⁹ Сунион относился к числу афинских укреплений на границах ряда стратегических пунктов. Эти укрепления имели мощные фортификационные сооружения, сильный гарнизон, а также могли иметь храмы и в случае военной угрозы представляли собой значительное препятствие для врага¹²⁰. Подобно тому как Сунион являлся стратегическим пунктом для Афин, поскольку контролировал морские пути в Эгейском море, укрепление на Маячном полуострове, помимо его основных функций, способствовало контролю над путями каботажного и прямого плавания в районе с оживленной навигацией¹²¹.

Надежные исторические выводы о назначении укрепления не могут быть сделаны без детального рассмотрения конкретного фактического материала и учета археологических данных. В результате нашего исследования реконструирована структура и определено назначение укрепления на перешейке Маячного полуострова. Территория укрепления состояла из различных в функциональном отношении зон. Акрополь, свободный от жилой застройки, был использован для отправления культа божества, храм которого был основной архитектурной доминантой укрепления. На акрополе в момент военной необходимости также мог размещаться гарнизон. Территория за

¹¹⁴ Savelya 1997a, 88, 89; 1997b, 89; Kravchenko 2010, 55, 60.

¹¹⁵ Savelya 1996, 14.

¹¹⁶ Их классификацию и характеристику см., например, в McCredie 1966, 88–100; Maier 1959–1961, II, 78–92.

¹¹⁷ Параллели см. Lawrence 1979, 137–140, 172–173.

¹¹⁸ Saprykin 1994a, 74–75.

¹¹⁹ Maier 1959/1961, I, 116.

¹²⁰ McCredie 1966, 88–89.

¹²¹ Ivanov 2001, 223–226.

акрополем использовалась для жилой застройки. Ввиду отсутствия систематических раскопок в центральной части укрепления мы не можем судить о плотности застройки этого района, о регулярности кварталов, о других элементах инфраструктуры. Однако необходимость жилых построек внутри укрепления могла быть продиктована тем, что оно было создано несколько ранее системы наделов на Маячном полуострове¹²², т.е. строения внутри укрепления были необходимы на этом этапе для жилья: и для гарнизона, и для создателей системы межевания.

Что касается Портового района, то он имел защищенную от ветра и волн гавань в прибрежной части достаточно удлиненной бухты (современная Кача́ья бухта). Гавань была укреплена выдвинутой в бухту крепостной стеной и башней на островке в верховье бухты. Пространство укрепления было отделено от окружающей сельскохозяйственной размежеванной территории, поскольку межевые стены наделов не распространялись на перешеек полуострова. Таким образом, изначально территория укрепления не являлась земельной. Время создания фортификационной системы укрепления — конец V — начало IV в. до н.э., при этом восточная и западная крепостные стены были сооружены одновременно. Возведение укрепления Херсонеса шло параллельно с созданием города или ненамного позже его основания¹²³, что связано с его общим стратегическим назначением — закрепить северо-западную территорию Гераклеяского полуострова за херсонесским полисом. Укрепление как бы фиксировало северо-западную границу ближней хоры. Сооружения на перешейке Маячного полуострова могут быть определены как *φρούριον* — укрепленный пункт, созданный за пределами города, чтобы овладеть территорией, занятой варварами, и контролировать ее. Кроме того, укрепление служило для защиты Маячного полуострова, жители которого могли укрыться за его стенами в случае нападения со стороны моря. В целом укрепление являлось важным элементом в общей системе хоры херсонесского полиса и не существовало как некая независимая единица.

В последующую эпоху, когда и Гераклеяский, и Маячный полуострова были размежеваны и покрыты сетью наделов с усадьбами (притом что усадьбы сами по себе часто представляли собой укрепления), укрепление на перешейке утратило первоначальное ключевое значение в качестве *φρούριον* и необходимость в нем со временем отпала. Возможно, именно в этом кроется разгадка его разрушения — можно предположить, что сооружения укрепления либо обветшали, либо были частично разобраны. Для детализированной реконструкции внутреннего устройства укрепления необходимы раскопки всей его территории, однако подчеркнем, что памятник был разрушен (*κατεσκαμμένη* — Strab. VII. 4. 2) уже в античности.

Литература / References

Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. — XII v.n.e.)* [Coinage in Chersonesus (4th cent. BC — 12th cent. AD)]. Kiev.

Анохин, В.А. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в.н.э.)*. Киев.

Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [Coinage in Bosphorus]. Kiev.

Анохин, В.А. *Монетное дело Боспора*. Киев.

¹²² Saprykin 1994b, 136.

¹²³ Аналогии см. в Winter 1971, 55.

- Bertier de la Garde, A.L. 1893: *Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa* [*Antiquities of Southern Russia. Excavations in Chersonesus*]. Saint Petersburg.
- Бертье-Делагард, А.Л. *Древности Южной России. Раскопки Херсонеса*. (Материалы по археологии России, 12). СПб.
- Buyskikh, A.V. 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuuyu epokhu* [*Spatial Development of Chersonesus Taurica in Ancient Period*]. Simferopol.
- Буйских, А.В. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь.
- Buyskikh, S.B. 1986: [Some problems of spatial and structural development of Olbian chora]. In: A.S. Rusyaeva, S.N. Mazarati (eds.), *Ol'viya i ee okrug* [*Olbia and its Environs*]. Kiev, 17–28.
- Буйских, С.Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры. В сб.: А.С. Русяева, С.Н. Мазарати (ред.), *Ольвия и ее округа*. Киев, 17–28.
- Debidour, M. 1979: Réflexions sur les timbres amphoriques thasiens. In: *Thasiaca*. (BCH Suppl. V). Athènes–Paris, 269–314.
- Dem'yanchuk, S.G., Nikolaenko, G.M., Oltarzhevskiy, G.A., Petrokovskiy, A.I. 2005: [Coin findings from the ancient settlement on the Western shore of Kazach'ya Bay]. In: N.M. Kukoval'skaya (ed.), *Sugdeyskiy sbornik* [*Sugdeya Collection of Articles*] 2, 438–446.
- Демьянчук, С.Г., Николаенко, Г.М., Олтаржевский, Г.А., Петроковский, А.И. Монетные находки из античного поселения на западном берегу Казачьей бухты. В сб.: Н.М. Куковальская (ред.), *Сугдейский сборник* 2, 438–446.
- Dem'yanchuk, S.G., Nessel', V.A. 2011: [New data about the fortifications on the isthmus of the Mayachny Peninsula]. In: S.D. Kryzhitskiy (ed.), *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Collected Articles*] 16. Sevastopol, 65–78.
- Демьянчук, С.Г., Нессель, В.А. Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова. В сб.: С.Д. Крыжицкий (ред.), *Херсонесский сборник* 16. Севастополь, 65–78.
- Dubois de Montpéroux, F. 2009 [1839–1843]: *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziyu, Armeniyu i v Krym*. T. 5, 6 [*Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vols. 5, 6]. Simferopol.
- Дюбуа де Монпере, Ф. *Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым*. Т. 5, 6. Пер. с франц. Т.М. Фадеевой. Симферополь.
- Garlan, Y. 1999: *Les timbres amphoriques de Thasos 1: Timbres thasiens et thasiens anciens*. (Études thasiennes, XVIII). Athènes–Paris.
- Grinevich, K.E. 1931: *Issledovanie podvodnogo goroda bliz Khersonesskogo mayaka* [*A Study of the Underwater City near the Chersonesus Lighthouse*]. Moscow.
- Гриневич, К.Э. *Исследование подводного города близ Херсонесского маяка*. М.
- Ivanov, A.V. 2001: [Navigational and archaeological overview of the South-Western coast of Crimea from Chersonese Promontory to Sarych Promontory]. In: *Mors'ka torgivlja v Pivnichnomu Prichernomorji* [*Naval Trade around Northern Black Sea Coast*]. Kiev, 222–234.
- Иванов, А.В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч. В сб.: *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Киев, 222–234.
- Ivanov, V.M. 2005: [Fortification on the isthmus of the Mayachny Peninsula. Facts and hypotheses]. *Vestnik MGU. Seriya 8: Istoriya* [*Moscow State University Bulletin. Series 8. History*] 4, 104–128.
- Иванов, В.М. Укрепление на перешейке Маячного полуострова. Факты и гипотезы. *Вестник МГУ. Серия 8: История* 4, 104–128.
- Karyshkovsky, P.O. 1988: *Monety Ol'vii* [*Coins of Olbia*]. Kiev.
- Карышковский, П.О. *Монеты Ольвии*. Киев.
- Kosciuszko-Waluzynicz, K.K. 1891: [An important archaeological discovery in Crimea]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [*Reports of the Tauric Academic Archive Commission*] 13, 55–61.
- Косцюшко-Валюжинич, К.К. Важное археологическое открытие в Крыму. *ИТУАК* 13, 55–61.
- Kravchenko, E.A. 2010: [As to the history of studying of Crimean aborigine population of early Iron age]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 23, 133–154.
- Кравченко, Е.А. До історії вивчення тубільного населення Криму доби раннього заліза. *Боспорські дослідження* 23, 133–154.
- Kutaysov, V.A. 1992: *Kerkinitida* [*Kerkinitis*]. Simferopol.
- Кутайсов, В.А. *Керкинитида*. Симферополь.
- Lawrence, A.W. 1979: *Greek Aims in Fortification*. Oxford.

- Lebedinski, V.V., Pronina, Ju.A. 2013–2014: [Study of ancient coastline of Chersonesos and its chora]. In: S.D. Kryzhitsky (ed.), *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collected Articles] 18. Sevastopol, 97–116.
- Лебединский, В.В., Пронина, Ю.А. Изучение древней береговой линии Херсонеса Таврического и его хоры. В сб.: С.Д. Крыжицкий (ред.), *Херсонесский сборник* 18. Севастополь, 97–116.
- Maier, F.G., 1959–1961: *Griechische Mauerbauinschriften*. Bd. I–II. Heidelberg.
- Marchenko, K.K., Domanskiy, Ya.V. 1982: [The earliest public construction in the region of the Lower Bug]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences] 172, 58–64.
- Марченко, К.К., Доманский, Я.В. Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье. *КСИА* 172, 58–64.
- McCredie, J. R. 1966: *Fortified Military Camps in Attica*. (Hesperia Supplement XI). Princeton.
- Moiseev, L.A. 1918: [Excavations in Chersonesus]. *Otchet Arkheologicheskoy imperatorskoy komissii* [Reports of the Imperial Archaeological Commission 1913–1915], 51–72.
- Моисеев, Л.А. Раскопки в Херсонесе. *ОАК за 1913–1915 годы*, 51–72.
- Nessel', V.A., Nikolaenko, G.M., Oltarzhevskiy, G.A., Petrokovskiy, A.I. 2008: [Sacred constructions of the settlement on the Western shore of Kazach'ya bay (Mayachny Peninsula)]. In: N.M. Kukoval'skaya (ed.), *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeya Collection of Articles] 3. Kiev–Sudak, 488–495.
- Нессель, В.А., Николаенко, Г.М., Олтаржевский, Г.А., Петроковский, А.И. Ритуальные конструкции поселения на западном берегу Казачьей бухты (Маячный полуостров). В сб.: Н.М. Куковальская (ред.), *Сугдейский сборник* 3. Киев–Судак, 488–495.
- Nessel', V.A., Dem'yanchuk, S.G. 2015: [Ancient settlement on the Western shore of Kazach'ya bay near Chersonesus. New facts and hypotheses]. In: *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Krym i Severnoye poberezh'e Chernogo morya v arkheologicheskikh issledovaniyakh 1956–2013"* [International Conference "Crimea and the Northern Coast of the Black Sea in Archaeological Research in 1956–2013"]. Warsaw, 19–23.10.2015]. Warsaw, 55–56.
- Нессель, В.А., Демьянчук, С.Г. Античное поселение на западном берегу Казачьей бухты вблизи Херсонеса Таврического. Новые факты и предположения. В сб.: *Международная научная конференция «Крым и Северное побережье Черного моря в археологических исследованиях 1956–2013»*. Варшава, 19–23.10.2015. Варшава, 55–56.
- Neumann, K. 1855: *Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte*. Bd. 1. Berlin.
- Nikolaenko, G.M. 1997: [Explorations on the Mayachny Peninsula. Years 1993–1995]. In: M.I. Zolotarev (ed.), *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collected Articles] 8. Sevastopol, 75–87.
- Николаенко, Г.М. Исследования на Маячном полуострове. 1993–1995 гг. В сб.: М.И. Золотарев (ред.), *Херсонесский сборник* 8. Севастополь, 75–87.
- Nikolaenko, G.M. 2018: *Drevnosti Mayachnogo poluostrova. Arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov* [Antiquities of the Mayachny Peninsula. Archaeological Attribution of the Monuments and Sites]. Sevastopol.
- Николаенко, Г.М. *Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников*. Севастополь.
- Pallas, P.S. 1999 [1799–1801]: *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in der Jahren 1793 und 1794]. Moscow.
- Паллас, П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. Пер. с нем. М.
- Pechenkin, N.M. 1911: [Archaeological surveys in the territory of Strabo's old Chersonesus]. *Izvestiya Imperatorskoy arheologicheskoy komissii* [Reports of the Imperial Archaeological Commission] 42, 108–126.
- Печенкин, Н.М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. *ИАК* 42, 108–126.
- Saprykin, S.J. 1994a: *Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990)*. Amsterdam.
- Saprykin, S. Yu. 1994b: [On internal colonisation of Tauric Chersonesus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 126–143.
- Сапрыкин, С.Ю. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического. *ВДИ* 3, 126–143.
- Saprykin, S. Yu. 2005: *Denezhnoye obrashchenie na khore Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie)* [Monetary Circulation in the Chora of Chersonesus Taurica in Ancient Period (Historical and Numismatic Study)]. Moscow.

- Сапрыкин, С.Ю. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху (историко-нумизматическое исследование)*. М.
- Savelya, O. Ya. 1996: [Archaeological data on the history of the Heracleian peninsula in the pre-colonisation period]. In: I.A. Antonova (ed.), *Khersonesskiy sbornik [Chersonesus Collected Articles]* 7. Sevastopol, 13–18.
- Савеля, О.Я. Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколони-
зационного периода. В сб.: И.А. Антонова (ред.), *Херсонесский сборник* 7. Севастополь, 13–18.
- Savelya, O. Ya. 1997a: [New materials for the history of the Heracleian Peninsula and its environs
of the pre-colonisation and classical ancient periods]. In: *Problemy grecheskoy kul'tury [Issues in
Greek Culture]*. Simferopol, 87–89.
- Савеля, О.Я. Новые материалы к истории Гераклейского полуострова и его окрестностей
доколониационного и античного периодов. В сб.: *Проблемы греческой культуры. Между-
народная научно-практическая конференция*. Симферополь, 87–89.
- Savelya, O. Ya. 1997b: [Some results of the work of Sevastopol archaeological expedition in environs of
Chersonesos in 1990–1995]. In: M.I. Zolotarev (ed.), *Khersonesskiy sbornik [Chersonesus Collected
Articles]* 8. Sevastopol, 88–95.
- Савеля, О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции
в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. В сб.: М.И. Золотарев (ред.), *Херсонесский сборник* 8.
Севастополь, 88–95.
- Schöner-Geiß, E. 1972: *Die Münzprägung von Byzantion. 2. Teil. Kaiserzeit*. Amsterdam–Berlin.
- Shcheglov, A.N. 1969: [Thracian dedicatory reliefs from Chersonesus Taurica]. In: T.D. Zlatkovskaya,
A.I. Melyukova (eds.), *Drevnie frakiytsy v Severnom Prichernomor'ye [Ancient Thracians in the
Northern Black Sea Region]*. Moscow, 135–176.
- Щеглов, А.Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического. В кн.:
Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова (ред.), *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*.
(МИА, 150). М., 135–176.
- Shcheglov, A.N. 1976: *Polis i khora [Polis and Chora]*. Simferopol.
- Щеглов, А.Н. *Полис и хора*. Симферополь.
- Shcheglov, A.N. 1994: [Strabo's "old" Chersonese. The fortification on the isthmus of the Mayachny
Peninsula. Topography and fortification]. In: Yu.M. Mogarichev (ed.), *Problemy istorii i arkhe-
ologii Kryma [Problems of History and Archaeology of the Crimea]*. Simferopol, 8–42.
- Щеглов, А.Н. «Старый Херсонес» Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полу-
острова: топография и фортификация. В сб.: Ю.М. Могаричев (ред.), *Проблемы истории
и археологии Крыма*. Симферополь, 8–42.
- Shcheglov, A.N. 1997: [Strabo's "old" Chersonese. The fortification on the isthmus of the Mayach-
ny Peninsula: III. Remains of an archaic settlement in the upper part of Kazach'ya Bay]. In:
I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiiy sbornik [Bakhchysarai Historical
and Archaeological Collection of Papers]* 1. Simferopol, 42–54.
- Щеглов, А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полу-
острова: III. Следы архаического поселения в вершине Казачьей бухты. В сб.: И.Н. Хра-
пунов (сост.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник* 1. Симферополь, 42–54.
- Sear, D. R. 1978: *Greek Coins and their Values*. Vol. I. Europe. London.
- Solomonik, E.I. 1984: *Graffiti s khory Khersonesa [Graffiti from the Chora of Chersonesus]*. Kiev.
- Соломоник, Э.И. *Граффити с хоры Херсонеса*. Киев.
- Strzheletsky, S.F. 1948: [Altar of Heracles from the so-called Strabo's Chersonesus]. In:
A.P. Smirnov (ed.), *Khersonesskiy sbornik [Chersonesus Collected Articles]* 4. Simferopol, 97–106.
- Стржелецкий, С.Ф. Жервентий Гераклу из т.н. Страбоновского Херсонеса. В сб.:
А.П. Смирнов (ред.), *Херсонесский сборник* 4. Симферополь, 97–106.
- Strzheletsky, S.F. 1959: [Main stages of economic development and periodisation of history of Cher-
sonesus in the Classical period]. In: A.P. Smirnov (ed.), *Problemy istorii Severnogo Prichernomor'ya
v antichnuyu epokhu [Issues in History of the Northern Black Sea Region in the Classical Period]*.
Moscow, 63–85.
- Стржелецкий, С.Ф. Основные этапы экономического развития и периодизации истории
Херсонеса Таврического в античную эпоху. В сб.: А.П. Смирнов (ред.), *Проблемы истории
Северного Причерноморья в античную эпоху*. М., 63–85.
- Strzheletsky, S.F. 1961: *Klery Khersonesa Tavricheskogo. K istorii drevnego zemledeliya v Krymu [Kleroi
of Chersonesus Taurica. To the History of Ancient Agriculture in the Crimea]*. (Chersonesus Collect-
ed Articles, 6). Simferopol.

- Стржелецкий, С.Ф. *Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму.* (Херсонесский сборник, 6). Симферополь.
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (18 — seredina 19 v.)* [*Russian Science on Classical Antiquities of South Russia (18th and mid—19th Cent.)*]. Saint Petersburg.
- Тункина, И.В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.).* СПб.
- Tunkina, I.V. 2018: [Tauric Chersonesos and the Herakleian Peninsula in the manuscript materials of the late 18th — early 19th cc.]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomor'ye v antichnoe i srednevekovoe vremya. Vyp. 2. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 70-letiyu professora V.P. Kopylova* [*The Black Sea Region in Antiquity and Early Middle Ages. Issue 2. Papers presented to V.P. Kopylov on the occasion of his 70th birthday*]. Rostov-na-Donu, 53–75.
- Тункина, И.В. Херсонес Таврический и Гераклейский полуостров в рукописных материалах конца XVIII — начала XIX вв. В сб.: А.Н. Коваленко (отв. ред.), *Причерноморье в античное и средневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова.* Ростов-на-Дону, 53–75.
- Turovsky, E. Ya. 1997: *Monety nezavisimogo Khersonesa 4—2 vv. do n.e.* [*Coins of the Independent Chersonesus of the 4th—2nd Centuries BC*]. Sevastopol.
- Туровский, Е.Я. *Монеты независимого Херсонеса IV—II вв. до н.э.* Севастополь.
- Winter, F.E. 1971: *Greek Fortifications.* London.
- Zedgenidze, A.A. 2015a: [Land-division on the chora of Chersonesus Taurica and the problem of Strabos's ancient Chersonesus]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 40–55.
- Зедгенидзе, А.А. Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнего Херсонеса» Страбона. *ВДИ* 2, 40–55.
- Zedgenidze, A.A. 2015b: [Metropolitan Yevgeny (Bolkhovitinov) and the beginning of study of Tauric Chersonesos]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [*Aristeas. Philologia classica et historia antiqua*] 11, 58–68.
- Зедгенидзе, А.А. Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало исследования Херсонеса Таврического. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 11, 58–68.
- Zedgenidze, A.A. 2015c: [The problem of sanctuaries of the khora of Khersonesos Taurike]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [*Knowledge. Understanding. Skill*] 1, 182–196.
- Зедгенидзе, А.А. Проблема сакральных мест хоры Херсонеса Таврического. *Знание. Понимание. Умение* 1, 182–196.
- Zedgenidze, A.A. 2016: [Strabo's "ancient Chersonesus". Results of research carried out in 1985–1990]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 76/3, 597–625.
- Зедгенидзе, А.А. «Древний Херсонес» Страбона. Результаты исследований 1985–1990 гг. *ВДИ* 76/3, 597–625.
- Zedgenidze, A.A. 2017: [The problem of territorial development of Heracleian Peninsula and the structure of archaic chora]. In: D.A. Kostromichev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Ancient Relics of Chersonese. Openings to Notions. Proceedings of the International Academic Conference. Sevastopol, 10–12.10.2017*]. Sevastopol, 91–93.
- Зедгенидзе, А.А. Проблема освоения территории Гераклейского полуострова и структура древнейшей хоры. В сб.: Д.А. Костромичев (ред.), *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 г.* Севастополь, 91–93.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [*Ancient coins*]. (Materials and studies on the Archaeology of USSR, 16). Moscow—Leningrad.
- Зограф, А.Н. *Античные монеты.* (МИА, 16). М.—Л.
- Zubar', V.M. 2004: *Khersones Tavricheskii i naselenie Tavriki v antichnuyu epokhu* [*Chersonesus Taurica and the Population of Taurica of the Ancient Period*]. Kiev.
- Зубарь, В.М. *Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху.* Киев.
- Zubar', V.M. 2007: *Khora Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleyskom poluostrove. Istoriya raskopok i nekotorye itogi* [*Chora of Chersonesus Taurica in the Heracleian Peninsula. History of Excavations and Some Results*]. Kiev.
- Зубарь, В.М. *Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги.* Киев.